

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Московский институт социально-культурных программ

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 4 (20)

Москва, 2008

УДК 008
ББК 71
П71

Главный редактор —
доктор социологических наук **В.К.Сергеев**

Ответственный секретарь —
кандидат социологических наук **О.Н. Мамонова**

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура // Научный и социокультурный журнал. — М.: Серебряные нити, 2008. — Вып. № 4 (20) — 124 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации (ВАК РФ).

Издание рассчитано на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

© Московский институт социально-культурных программ, 2008

Духовная культура и национальное самосознание – важнейшие факторы преодоления кризиса в России

О.В.АФАНАСЬЕВА

Кризис идентичности в русском мире

Либерально-демократические преобразования российского общества породили значительное количество острых проблем, нерешённость которых таит в себе угрозу национальной безопасности, превращения Российского государства в периферийную социокультурную систему. В результате так называемых рыночных реформ и права наций на самоопределение 25 млн. русских в конце XX — начале XXI вв. оказалась вне Российского государства. В то же время в России хлынула волна наиболее предприимчивых граждан других государств (бывших советских республик). Всё смешалось в доме российском. Жёсткое социально-экономическое расслоение населения на бедную и богатую Россию (с разным образом жизни, разными потребностями, разным менталитетом), на бедные и богатые регионы, стремительное наступление организованной преступности на экономику и духовную жизнь страны и её властные структуры, обострение национальных вопросов могут привести к окончательному развалу единого экономического пространства России, к полной экономической деградации и превращению её в «колониальную» структуру.¹

По данным научных исследований, главным показателем социально-экономического кризиса является *духовное неблагополучие* граждан страны, распространение *агрессивно-депрессивного синдрома*² (рост озлобленности, ощущение несправедливости, потеря смысла жизни, гнев, тоска, безысходность и т.п.), *«синдрома вживания в катастрофу»* (Д.Львов).

Как показывают социологические опросы, большинство граждан Российского государства убеждены, что расхищение общенародной собственности и её перераспределение в пользу небольшой группы власть имущих — несправедливо и что заработать честным трудом состояние, которое есть у некоторых государственных деятелей и так называемых «олигархов», невозможно.³ Они утрачивают возможность поддерживать прежний достойный уровень жизни и заниматься трудом и творчеством по интересам и призванию, но продолжа-

ют считать законными и справедливыми трудовые доходы, а не «лёгкие» и уж тем более не криминальные деньги. Три четверти (74, 9%) опрошенного населения (включая пенсионеров) и почти две трети (59,2%) работающих (при значительной доле затруднившихся ответить) считают, что *их социальное положение не соответствует личным достижениям в образовании и профессиональной подготовке*. Причём вертикальная мобильность для них многие годы остаётся заблокированной. В то же время другие, не отличающиеся личными достижениями в указанных областях, достигли многого в статусном положении, определяемом не столько талантами, сколько умением «делать деньги» любыми средствами.

Но если стремление граждан к добросовестному труду и творчеству в государстве не поддерживается и ограничивается государственными институтами, то оно неминуемо проявляется в отклонениях от существующих норм, законов, в различных формах девиантной и даже делинквентной (преступной) деятельности. По данным исследования «Новое поколение предпринимателей и менеджеров», «более двух третей занятых в бизнесе мужчин и женщин вынуждены время от времени искать пути обхождения юридических норм», поскольку действующие законы и нормы не только сдерживают творческую активность людей, но и превращают творческую деятельность в полукриминальную и криминальную.⁴ Особенно остро антисоциальная активность личности проявляется в ситуации, когда общество навязывает индивидам общие символы достижения успеха (богатство, «красивая жизнь» и т. п.), не предоставляя возможности овладеть этими ценностями законным путём. Об этом говорят, в частности, результаты социологического исследования «Проституция: причины, отношение к легализации. Меры предупреждения», проведённого в г. Саратове с января по май 2004 г.: невзирая на заведомую безнравственность занятий проституцией, более 32% опрошенных выразили желание зарабатывать деньги подобным образом; в обоснование своей позиции респонденты называли социально одобряемые ценности, ради достижения которых приемлем указанный способ получения необходимых материальных средств (получение образования, оказание помощи близким, приобретение жилья и т.д.).⁵

В основе духовного развития российского общества существует глубокое противоречие между ценностями, характерными для современного общества (профессионализм, деньги, предприимчивость, индивидуализм и др.), и традиционными, достаточно прочно укоренившимися в историческом сознании людей (общая культура, полез-

ные связи, честность, принципиальность, положение родителей, принадлежность к властным структурам и др.). Согласно исследованиям, 67% россиян выразили своё негативное отношение к массовой культурной экспансии Запада, неприятие вытеснения традиционной национальной культуры.

Однако стремление граждан (и, в частности, политиков, журналистов) идентифицировать себя со своей национальной культурой (особенно русской) вызывает у либерально-демократической интеллигенции стремление представить их в негативном свете, навешивая ярлыки: «националисты», «фашисты», «антисемиты», «красно-коричневые», «совки», «коммуняки» и т.п. «Совковый» — значит, не просто «советский» или «отечественный», но и «бросовый, никудышный, мусорный». Если же на товаре стоит надпись «Made in USA», то это якобы самый лучший, самый качественный, самый модный и нужный товар. Если же «совковый» говорится о человеке, то это означает, что он обязательно ограниченный, тупой, чрезмерно идеологизированный, отсталый, обозлённый и т.п. Данное слово должно заставлять молодого человека стыдиться своего происхождения, своей Родины, своих соотечественников, традиций.

Те же цели преследует и продвижение в обиход местоимения «эта» вместо «моя» по отношению к России: «эта страна», «эта Россия», «это государство» — такое слово буквально тиражируется нашими СМИ, политиками, работниками культуры. С его помощью человек как бы отстраняется от своей Родины, своего отечества, своей страны, он перестает чувствовать себя её частицей.

Со словом «русский» происходит то же самое: вместо того, чтобы сказать (написать) «русские люди», употребляется термин «россияне», вместо понятия «народ» — «население». Одновременно в понятие «русский» вкладывается негативный смысл: «новые русские» — это разбогатевшие на торговле люди (причём среди них русских очень немного), «русская мафия» — о преступниках, «русский фашизм» и т.д.

Подобная подмена произошла и со словами «левый» и «правый». Во всех языках христианских народов слово «левый» имело значение «нечестный», «лукавый», «противозаконный», а слово «правый» и однокоренные с ним означают «правильный», «праведный», «справедливый», «прямой», наконец, «право». Но сегодня под «левым» принято понимать лишь огосударствление собственности и принудительное распределение. А потому не приходится удивляться, как пишет Н.А.Нарочницкая, «что многие в постсоветской России искренне наделяют термин «левый» как раз атрибутами «правого» — то есть справедливого»⁶.

Манипулируя словами и лозунгами, идеологи либерально-демократического толка через многочисленные средства массовой информации явно или скрытно навязывают гражданам России мысль о негативном прошлом страны, разрушая национальное самосознание, национальную гордость и любовь к своей стране. Среди них есть и такие, кого вполне устраивает развал России, ликвидация её как субъекта международной политики.

Некоторые современные горе-политики договариваются и до того, что народ-де у нас не тот, не привык добросовестно трудиться, не видит в труде залог успеха и процветания, что протестантская этика более способствовала развитию трудолюбия у американского народа (в отличие от православного русского) и т. д., и т. п. Так и хочется воскликнуть вслед за Ф.М.Достоевским: ну «почему, почему наш европейский либерал так часто враг народа русского?». У либерального человека, отмечал Фёдор Михайлович, вообще говоря, «всё, что касается до России, давно уже решено и подписано, с необычайною, русскому либералу лишь свойственною лёгкостью... И почему в Европе называющие себя демократами всегда стоят за народ, по крайней мере на него опираются, а наш демократ зачастую аристократ и в конце концов всегда почти служит в руку всему тому, что подавляет народную силу, и кончает господчиной. О, я ведь не утверждаю, что они враги народа сознательно, но в бессознательности-то и трагедия»⁷.

Дело не в народе. В России, отмечает уже современный учёный Г.Атаманчук, дело управления общественными делами не могло не опираться на идейные и духовные ценности, хотя не всегда это делалось вовремя и качественно: то опаздывало с отменой крепостного права, то с предоставлением демократических и социальных свобод, то с использованием достижений научно-технической и информационной революций в практике управления.⁸

Основными причинами отчуждения граждан от власти и недоверия к различным её структурам являются низкий профессиональный и культурный уровень государственных служащих, отсутствие единства слова и дела, безразличие к нуждам людей, подмена общественных интересов интересами личного обогащения.

Неопределённость целей развития государства и вседозволенность в средствах разрушают экономическую жизнь общества, политика же, основанная на принципе «выживает сильнейший», приводит к тому, что в борьбе за существование оказывается наверху наиболее примитивный и бессовестный. Отсюда и негативный образ «нового русского», прожигающего национальное достояние и унижающего национальное достоинство.

Кстати, не мешало бы уточнить, кто такие русские и что такое «русский мир». В широком смысле слова, русский мир — это все те люди (в России и за рубежом), которые считают себя причастными к русской культуре, русской истории. В более узком смысле русский мир объединяет людей разных национальностей, живущих на территории современной России. Учитывая многоконфессиональность этого мира и разные типы национальной идентичности, для его характеристики обычно используется слово «россияне». Этот мир очень неоднороден и условен.

Вот лишь небольшая картинка, срисованная с жизни граждан Москвы в течение двух недель (мы упомянем только те мероприятия, в которых автор принял участие):

— достаточно большое количество людей разных возрастов (как правило, мелких предпринимателей и педагогов) участвовало в тренинге миллионера-наставника профессора Роберта Флэчера, который «учит» законам обращения с деньгами и способам их преумножения (один из тренингов проходил в гостинице «Узкое» с 18 часов вечера до 4 часов ночи); на подобные тренинги и семинары собираются предприимчивые люди, неудовлетворённые своим материальным положением и желающие стать более богатыми;

— в Федеральном агентстве по культуре и кинематографии состоялась встреча участников 1-го Международного кинофестиваля «Синемарина» (прошедшего в Хорватии в сентябре 2007 г.), на котором были показаны многочисленные документальные и игровые фильмы, где так или иначе говорилось о значении воды в жизни человека, обсуждались экологические проблемы;

— в Международном фонде культуры и письменности состоялась презентация книги И.Пановой «Вячеслав Клыков. Воин Святой Руси» об ушедшем в мир иной год назад известном скульпторе В.М.Клыкове;

— после презентации выступили со своими стихами и песнями поэты и барды — друзья В.М.Клыкова (бардовское движение — это огромная общность любителей авторской песни);

— здесь же, в Международном фонде, можно было послушать выступления фольклорных коллективов, в частности детского коллектива «Веретёнце» (родители с детьми в народных костюмах пели и танцевали русские этнические танцы и показывали русские народные игры);

— на следующий день можно было побывать на лекции консультанта-преподавателя по скоростным методам обучения (технологии сознания), практического психолога В.А.Томилина на тему «Экономика

спасения. Методы прямого управления здоровьем и гармоничным развитием человека в бесконечных созидательных системах (на примере работы с бизнес-системами). Эти лекции объединяют людей, которые интересуются проблемами здоровья (физического и духовного), саморазвитием и благополучием (духовным и материальным). Преподаватель на примерах показывал, как можно путём изменения собственного сознания влиять на свою жизнь, бизнес, личностные отношения, обещал научить механизмам такого влияния;

— в Московско-театральном концертном центре Павла Слободкина прошёл вечер памяти народного художника России, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР В.М.Клыкова, подготовленный региональной организацией «Курское землячество». Были показаны отрывки из документальных фильмов о художнике, звучали выступления общественных деятелей, классическая музыка (в частности, музыка Свиридова), народные песни (что почти невозможно услышать по современному телевидению), новые песни и стихи, написанные в память о Вячеславе Михайловиче.

А на Арбате, где находится вышеуказанный центр, шла бойкая торговля, играла совсем другая музыка, гуляла разряженная публика... В деревнях и других городах в это же время люди жили своей жизнью, может быть, менее разнообразной, чем в Москве, но не менее осмысленной.

И только часть этого мира может быть названа подлинно русским миром. В третьем, более узком смысле слова, *русский* — это мир генетически русских людей и православных. На православии, говорил митрополит Ладожский и Петербургский Иоанн, «если мы хотим остаться русскими в том понимании этого слова, которое сложилось за тысячу лет нашей истории, — должна быть основана и светская, культурная жизнь общества, и, главным образом, религиозная. Каждый русский человек должен бы быть православным, если только он хочет Богу угодить». Безусловно, продолжает он, вводит «сверху» православие как государственную религию не стоит. Вера есть состояние души, горение сердца — это надо заслужить, вымолить, тут никакие «оргмероприятия» не помогут. В вере нет насилия — от каждого требуется свободное произволение. Конечно, «для пользы России необходимо, чтобы Русское государство возглавил человек глубоко верующий, православный, пребывающий в духовном единстве с народом, составляющий с народным телом единое целое»⁹.

Надо признать, что в стране свободно публикуются книги и статьи русских учёных и идеологов, противостоящих западническому либерализму, да и президент у нас православный человек. Но, к сожа-

лению, истинно верующих, православных людей мало в президентском окружении, среди политиков и общественных деятелей. Этот мир русских людей отчуждён от власти.

Не имея поддержки во властных структурах государства, не каждый русский человек может смело и открыто выражать своё национальное достоинство, преодолевая страх быть обвинённым в «национализме», «шовинизме» или «фашизме». Кстати, и термин «фашизм» имеет более сложное содержание, чем вкладывает в него обыденное сознание: фашизм — это мировое господство избранного меньшинства, имперский союз (национал-социализм Гитлера, современный интеримпериализм), стремящийся к мировому господству. В таком смысле в России не может быть фашизма, тем более русско-го, ибо за русскими не стоит «имперский союз» русских промышленников и им не присуще стремление к мировому господству. Не до господства, выжить бы!

И выживает, и спасается русский народ, опираясь на взаимопомощь, коллективизм, общинность и соборность — традиционные российские ценности. Спасается, как невидимый град Китеж.

Российская модель национального развития

Необходимо осознать, что курс на личное обогащение в ущерб интересам государства и народа чужд исторически сложившемуся российскому общественному укладу. Приоритетные ценности в государственной экономической политике — не стремление к личному обогащению, а установление принципа справедливости («Не в силе Бог, а в правде»), социальной поддержки граждан, укрепление мощи государства. Доходы от продажи богатств, которыми наделил страну Творец, должны вкладываться в страну и в людей. Стабилизационный фонд (который почему-то хранится за рубежом) должен работать на страну — на обновление инфраструктуры, поддержку науки и образования, наиболее обездоленных людей (детей, пенсионеров, инвалидов и т.д.).

Одной из приоритетных национальных задач является развитие отечественной духовной культуры, без которой невозможна осмысленная жизнь народа. Люди, лишённые общих духовных ориентиров, перестают ощущать поддержку друг друга, переходят в «тревожное» состояние, что оборачивается распадом общественного организма, который подчиняется своим внутренним законам, инстинктам. Одним из них является поддержка национального самосознания. «Национализм проявляется прежде всего, — писал русский философ И. Ильин,

— в инстинкте национального самосохранения, и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмысливать его перед лицом Божиим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления. Этот инстинкт должен не дремать в душе народа, но бодрствовать... Из него должно родиться национальное единение, во всей его инстинктивной «пчелиности» и «муравьиности». Он должен гореть в национальной культуре и в творчестве национального гения»¹⁰.

Совершенно правы сотрудники Научно-культурного центра русской цивилизации, когда говорят, что содержанием хозяйственной деятельности является не только материя, но дух, духовное содержание, а потому социальная жизнь русского человека не может быть сведена только к экономике. Сохранение и развитие духовных ценностей, составляющих основу личной и общественной деятельности, — важнейший вектор *воскресения* России. Национально ориентированные учёные представляют экономическую жизнь общества как воссоздание (воспроизводство) духовной энергии людей, направленной на поддержание их общественно-государственной организации, как производство или (расширенное) воспроизводство материальных либо экономических, в узком смысле слова, ресурсов жизнеобеспечения нации.¹¹

Для восстановления диалога между властями и народом необходимо прежде всего на деле воссоздать справедливость: всё, что от Бога, является общим достоянием и не должно быть предметом торга и обогащения чиновников и предпринимателей. Надо осуществлять поддержку человека труда и творчества. Это должно быть составной частью идеологии возрождения российской государственности. «У человека есть здоровая потребность что-то значить; тут главное, чтобы она была в меру и не переросла в тщеславие. Каждое человеческое существо как энергийный центр и как духовный индивид имеет, не без права, притязание себя испытать в жизни и как-то проявить: только проявивший себя человек чего-то стоит! Значит, надо трудиться, в труде себя и показать! Труд и есть то самое жизненное испытание, где уж точно покажешь себя! Каждый из нас должен быть признан, должен обрести уверенность в себе, самоутвердиться, обеспечить своим трудом себя и свою семью. Так разворачивается у людей то инстинктивное самоуважение, которое перерастает затем в чувство собственного духовного достоинства. Так что *поистине всякий успех на земле есть успех труда*».¹²

Особое внимание следует обратить на средства массовой информации в этом процессе. Политика «хлеба и зрелищ», осуществляе-

мая большинством российских СМИ, культивирование негативной информации (с одной стороны, убийства, кровь, погони, обман, мошенничество, предательство, с другой — пошлые «окна» или «дома», хохмачество, в котором обязательно присутствует издевательство над прошлым и настоящим, тиражирование глупых, низкопробных шуток и т. п.) разрушает психику человека, снижает творческий потенциал граждан, способствует их духовно-душевной деградации. Постоянное критиканство, забвение уникального советского времени (патриотизма, коллективизма, заботы об общественных интересах и др.) разрушают национальное самосознание людей, их самоидентификацию. Только духовная культура народов страны может противостоять распаду и гибели государства. *Антидуховное* (негативно духовное) — всё то, что деформирует, дезорганизует, дегуманизирует условия и факторы саморазвития и развития человека и его сообщества.

Основная задача государственной политики во всех сферах жизни общества — переключить энергию разрушения на созидание, развитие национального самосознания граждан России и русского человека, их духовного возрастания.

История России показала, что в смутные и тяжёлые времена народ умеет объединяться и побеждать. Как говорил В.М.Клыков на открытии своего последнего памятника киевскому князю Святославу, поставленному в Троицком монастыре на белгородской земле, «наш народ русский — народ-государственник. Он — основа русской и российской государственности. Наша беда в том, что сегодня мы разъединены и разобщены. Мы должны осознать свою силу. Наша сила в правоте и единстве. Вместе мы богаче и сильнее любого олигарха. Это должен осознать каждый русский человек. И тогда мы победим. Ведь правда за нами, за Россией правда! Она победит, и мы победим вместе с ней!»¹³.

Необходимо понимать, помнить и хранить всё, что было в нашем прошлом священного, доброго, созидательного. «Мы должны готовить *не реставрацию, а новую Россию*»¹⁴, *Россию спасённую, воскресшую*. Будущее Российского государства — в спасении интеллектуальных и духовных ценностей, сохранении нравственных ориентиров и духовном возрастании. Высокая духовная культура и рост национального самосознания — единственный путь к совершенствованию личности, общества и государства.

Рецензент — Е.Г.АНДРЮЩЕНКО, доктор философских наук, профессор социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

- ¹ Львов Д.С. Вернуть народу ренту. — М.: Эксмо, 2004. — С. 54.
- ² Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. — М.: Беловодье, 2001.
- ³ Бойков В.Э. Интересы в социальном управлении // Социология власти. — 2006. — № 2. — С. 14 — 15.
- ⁴ Заславская Т.Н. Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект (статья вторая) // Социс. — 2006. — № 5. — С. 12.
- ⁵ Алхаджиева И.С. Общественное мнение о проституции и мерах по ее предупреждению (региональное исследование) // Социс — 2006. — № 5. — С. 85.
- ⁶ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. — М.: Международные отношения, 2005. — С. 58.
- ⁷ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Единственный выпуск на 1880 г. // Полн. собр. соч. в 30-ти тт. — Л.: Наука. — С. 150 — 153.
- ⁸ Атаманчук Г.В. Об идеологии российской государственности // Власть и нравственность, согласие, благополучие, безопасность. — М., 1991. — С. 31 — 40.
- ⁹ Митрополит Иоанн. Любовь не должна быть слепой // Бондаренко В. Русский лик патриотизма. Пламенные реакционеры. Кн. 3-я. — М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2003. — С. 15 — 16.
- ¹⁰ Ильин И.А. О русском национализме // О России. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. — С. 151 — 152.
- ¹¹ Антипенко Л.Г., Герасько М.И., Мартынюк В.А. и др. Экономический вектор развития России: кооперация и социализм. — Калуга: Изд-во научной литературы Н.Ф.Бочкаревой, 2007. — С. 8.
- ¹² Ильин И. Книга надежд и утешений. — М.: Апостол веры, 2006. — С. 168 — 169.
- ¹³ Дмитриева Н.В. Возьмите меч мой! // Русский дом. — 2007. — № 6. — С. 45.
- ¹⁴ Ильин И.А. За национальную идею. Манифест русского движения // Слово. — 1991. — № 8. — С. 84.

Институционализация корпоративной социальной ответственности: закономерности, проблемы и перспективы

Л.В.ЛОГИНОВА

В мировом сообществе социальной ответственности организации придаётся всё большее значение. Так, социологическое исследование «Опрос тысячелетия» (было опрошено 25 тыс. человек из 23-х стран) показало, что 60% респондентов оценивают качество той или иной компании по её социально ответственным мероприятиям по отношению к обществу [1, с. 45].

Активная социальная роль корпорации стала рассматриваться как один из важнейших признаков её современности. В связи с этим проблема придания российскому корпоративному управлению социальной направленности, а также институционализация корпоративной социальной ответственности начали достаточно часто обсуждаться в отечественной научной литературе.

Цель предлагаемой статьи — раскрытие сущности института корпоративной социальной ответственности, выявление его закономерностей, признаков, проблем и перспектив развития в практике российских корпораций.

Социальная ответственность корпорации — довольно широкое понятие, охватывающее такие проблемы, как: экология, качество жизни, здоровье, образование, региональное развитие, развитие инфраструктуры, поддержка науки. При этом в отличие от юридической социальная ответственность является добровольной реакцией корпорации на социальные проблемы и интересы своих работников, местного сообщества, региона, общества в целом. И это относится не только к корпоративному бизнесу, но и к правительственным, и к общественным организациям.

По нашему мнению, феномен социальной ответственности корпорации возникает и формируется не только как социально-экономическое явление, но и как социальный процесс институционализации корпоративной социальной ответственности, т. е. его превращения в социальный институт, о чем свидетельствуют следующие признаки:

1. Устойчивость и воспроизводимость корпоративной социальной ответственности как формы совместной жизнедеятельности различных субъектов корпорации и общества, основанные на пра-

вилах и нормах. Мероприятия политики социальной ответственности корпораций уже не являются разовыми акциями, а становятся стратегической линией её повседневного поведения. Система целей современной корпоративной социальной ответственности всё больше строится на идеалах социокультурного развития и совершенствования жизнедеятельности её работников. Это не отделимо от сущности социально ориентированного предприятия. Поэтому целью деятельности социально ориентированной корпорации является оптимизация характеризующих её количественных и качественных показателей;

2. Нормативность институционализации корпоративной социальной ответственности. Это качество закрепляется в виде нравственных норм (Кодекс корпоративного поведения) и установок, в которых оформляются устойчивые стереотипы необходимости благотворительности, меценатства, защиты окружающей среды, помощи социально уязвимым категориям населения (пожилым, многодетным семьям, инвалидам). Нормативная база корпоративной социальной ответственности в России находится ещё в стадии становления, но уже характеризуется многовекторностью направлений. Она состоит из официальных установлений, ориентированных на различные сферы и категории нуждающихся в помощи лиц, а также норм международного, федерального, регионального и муниципального уровней;

3. Наличие организационной структуры института корпоративной социальной ответственности в виде особых отделов корпораций, отвечающих за реализацию социальных целей и функций предприятия. Современная корпорация располагает достаточно разветвлённой организационно-управленческой структурой, включающей элементы, отвечающие за регулирование социально-трудовых отношений, охрану труда и здоровья, развитие образования, культурно-досуговой и спортивно-рекреационной деятельности. Кроме того, с точки зрения различных демографических групп, выделяется социальная ответственность корпорации в отношении женщин, молодёжи, детей, инвалидов, старшего поколения. С развитием институциональной организации социальной ответственности корпорации связано и появление кадров данного социального института;

4. Если раньше о степени зрелости, устойчивости того или иного предприятия судили главным образом по экономическим показателям, то в настоящее время таким критерием всё больше выступают показатели его социальной ответственности. Поэтому институционализация корпоративной социальной ответственности предпола-

гает также *закрепление системы показателей и процедур отчётности перед обществом.*

Таким образом, институционализация корпоративной социальной ответственности — это установление норм, ценностей, процедур, эталонов социально ответственного поведения корпораций, характеризующихся устойчивостью и воспроизводимостью.

На наш взгляд, в появлении и функционировании социально ориентированных корпораций находят отражение закономерные устремления компаний отыскать практическую плоскость для примирения с обществом посредством политики корпоративной социальной ответственности. Поэтому институционализация последней приобретает характер общесоциологической закономерности, что свидетельствует о качественно новом этапе в социально-экономическом и культурном развитии предприятий, связанном с их социализацией и социально ответственным поведением.

В России институт социальной ответственности является неразвитым, из-за чего существует проблема отстранённости друг от друга крупного бизнеса и общества. Так, С.Чернышёв пишет, что российские субъекты хозяйствования «оторвались от народной массы и оказались в этически чистом поле, вне целей и смыслов... Общество по отношению к ним расколото на прокуроров и попрошаек, власть делится на волков и гиен» [2, с. 299 — 300]. На наш взгляд, такая ситуация была характерна скорее всего для 90-х гг. XX века. В настоящее время картина меняется, российские корпорации в условиях глобализации вынуждены подчиняться общесоциологической закономерности развития социальной ответственности, но по её уровню в сравнении с западными странами и Японией российские корпорации ещё значительно отстают.

В области социальной ответственности у большинства российских корпораций существует ряд проблем.

1. Несмотря на то, что в российском обществе всё чаще говорят о корпоративной социальной ответственности, по данным социологического исследования «Социальная политика глазами россиян», проведённого в марте — апреле 2006 г. специалистами Института социологии РАН (опрошено 1750 респондентов, представляющих 11 социальных групп населения) [3], за последние 10 лет в 3 раза уменьшилось число россиян, связывающих решение задач социальной политики с деятельностью предприятий. В общественном мнении о российском бизнесе преобладают негативные оценки, ассоциирующиеся с его нечестностью, обманом, с ярко выраженной индивидуализированной ориентацией на деловой успех.

2. Сохраняется высокая степень отчуждённости высшего менеджмента корпораций от нужд рядовых работников. По данным выборочного социологического опроса «Самоидентификация россиян», проведённого РАГС в июле 2007 г., только 20,7% респондентов ответили, что рассчитывают на организацию, в которой работают, если им потребуется защита или срочная помощь [4]. Российские компании пока не являются активными защитниками социальных интересов своих работников.

3. Резкий рост оплаты труда руководителей корпораций на фоне относительно низких окладов рядовых работников. Это, во-первых, способствует поляризации общества по доходам, вызывает конфликтность интересов между разными социальными группами. Социологи констатируют, что 50,2% респондентов оценивают степень конфликтности между богатыми и бедными как острую и очень острую [4]. Во-вторых, низкая оценка труда обуславливает низкий уровень его производительности в России. В 2000 г. этот уровень составлял в нашей стране \$15,4 в расчете на одного рабочего, тогда как в США — 73,1, в Германии — 56,2, в Японии — 54,9, среднемировой уровень — \$18,7 [5, с. 539 — 540, 604]. По данным Е.Ясина, в настоящее время уровень производительности труда в России в 5 раз ниже, чем в США. Например, в металлургии, чтобы выплавить 1 млн. тонн стали, российский комбинат задействует 5 тыс. рабочих. Конкурентам в США достаточно 300 сотрудников. Даже китайские компании обходятся силами 700 работников [6, с. 7].

4. Отстранение рядовых работников от участия в управлении организацией. Это подтверждает выборочный социологический опрос «Социальное партнёрство на предприятиях различных форм собственности в современном российском обществе» от 2006 г. (опрошены 1400 человек в возрасте 18 лет и старше в 20-ти субъектах Российской Федерации по общероссийской выборке, репрезентирующей работников основных отраслей экономики, занятых на предприятиях различных форм собственности) [7, с. 11]. На вопрос «Принимают ли участие работники Вашего предприятия (организации) в обсуждении и принятии решений по важнейшим проблемам Вашего предприятия (организации)?» только 43,1% респондентов дали утвердительный ответ и 41% ответили, что нет. Лишь 48% респондентов-сотрудников реализуют свой опыт и знания на рабочем месте в полной мере [8, с. 92].

5. Частое несоблюдение работодателями трудового законодательства и необоснованное увольнение работников на основе субъективных оценок их труда и поведения. Так, на вопрос «Выпол-

няются ли на Вашем предприятии требования законодательства об охране труда?» лишь 27,3% опрошенных работников ответили, что выполняются полностью, 13,2% считают, что они скорее не выполняются и совсем не выполняются. Респонденты отмечают такие причины нарушения своих трудовых прав: 1) произвол начальства (45%); 2) несоответствие трудового законодательства условиям реальной жизни (26,5%); 3) незнание самими работниками трудового законодательства и установленных правил (17,9%). Данные приведены, исходя из общего количества столкнувшихся с нарушением трудовых прав [7].

Российские предприятия в большинстве своём «продолжают инерционно функционировать в рамках административно-управленческого консерватизма» [8, с. 91], в соответствии с которым преобладают действия руководства, ориентированные на максимальную централизацию, а личностные особенности работников и развитие социальной сферы предприятия игнорируются. Интерес руководителей к своим подчинённым связан только с их профессиональными и деловыми качествами. В результате у работников растёт неудовлетворённость трудом, что снижает их интерес к работе и эффективность трудовых усилий.

В связи с данными обстоятельствами, а также ужесточением международной конкуренции российскому корпоративному бизнесу «придётся подумать о том, как эффективно производить социальные ценности наряду с экономическими» [9, р. 630]. Речь идёт об объективной необходимости нахождения форм согласования противоречивых экономических и социальных целей корпораций, корпоративных и общенациональных интересов.

Для наступления благоприятных перемен российский бизнес должен изменить стратегию своего социального поведения.

Во-первых, важным решением могло бы стать введение реальной подотчётности перед акционерами компании и перед обществом, что привело бы к прогрессу во внедрении концепции социальных ценностей организации, к росту доверия.

Во-вторых, актуально, на наш взгляд, для российских корпораций предложение о повышении заинтересованности рабочих с помощью японской модели оплаты труда, которая предусматривает:

1) размер заработной платы президента фирмы не более чем в четыре-пять раз, а работников высшей квалификации не более чем в три раза больше заработной платы работников низкой квалификации;

2) высокую долю дополнительных, стимулирующих выплат к заработной плате.

В-третьих, социализации управления могут способствовать диффузное распределение полномочий и ответственности среди всех участников производства, а также изменение менталитета высшего менеджмента, его ориентация на гуманистические основы последнего.

Яркий пример современного подхода к управлению организацией продемонстрировал президент Сбербанка Герман Греф, который начал перестройку управления с прямого обращения по электронной почте к каждому сотруднику банка с призывом «оценить себя по сравнению с другими банками» и сделать так, чтобы «клиенты полюбили банк и привязались к нему». Таким образом, руководитель организации, поручая всем сотрудникам независимо от должности «стать активными сторонниками перемен», ломает привычные схемы работы заорганизованного, забюрократизированного банка, пытается повысить личную ответственность каждого за качество общей работы.

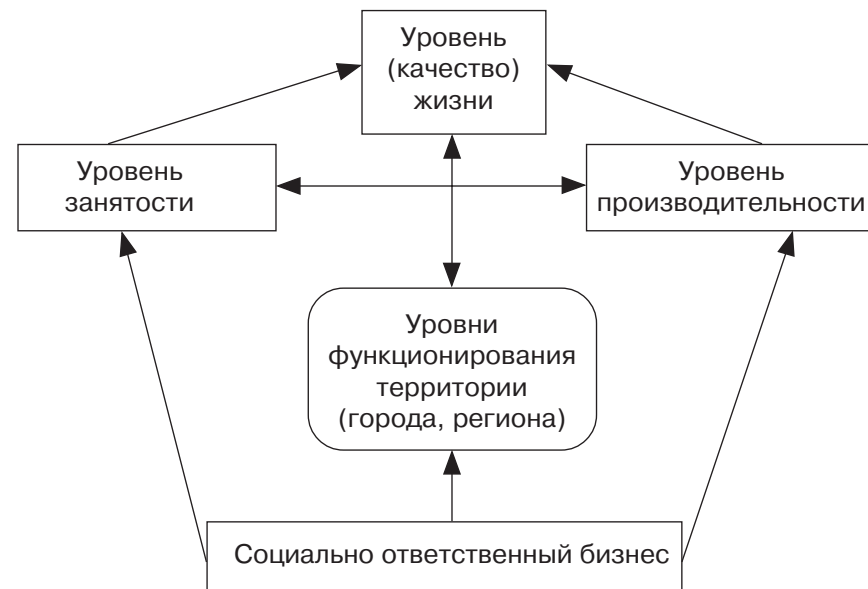
В-четвёртых, необходимо использование опыта социально ответственного поведения предприятий в советский период. В Саратовской области имеются примеры развития и поддержания советской традиции социальной ответственности. Так, на оборонном предприятии «ЭПО «Сигнал» функционирует благотворительный фонд «Наша жизнь». Направления его деятельности следующие: поддержка заводских трудовых династий (их более 25-ти), ветеранов, молодёжи, финансирование спортивного комплекса, санаторно-курортное обеспечение, организация общезаводских праздников.

В-пятых, поскольку бизнес использует ресурсы региона (в том числе и трудовые), наносит ущерб окружающей среде, необходимо более активное участие корпораций в решении социальных проблем территорий, где они осуществляют свою деятельность, развитию их инфраструктуры. Это будет содействовать повышению конкурентоспособности территорий.

И.Брамецца отмечает, что присутствие определённых локализационных факторов (атрибутов) на территории того или иного города создаёт положительные эффекты в виде бизнес-услуг высокого качества, квалифицированной рабочей силы. Кумулятивный эффект локализационных факторов представляет потенциал города в его возможности стать привлекательным местом для некоторых видов экономической деятельности [10, р. 22 — 23].

Мы считаем, что для измерения уровня влияния социально ответственного поведения бизнеса на территории местного сообщества могут применяться следующие индикаторы: производительность (эффективность), занятость, уровень (качество) жизни (см. рисунок).

Положительные эффекты для местных сообществ от деятельности социально ответственного предприятия

При этом местные органы власти должны создавать благоприятные условия для развития бизнеса на их территории. Нужна такая институциональная среда, которая делает выгодными частные инвестиции в социально значимые проекты (образование, здравоохранение, ЖКХ).

В реализации стратегии социальной ответственности бизнес имеет собственный интерес, так как тоже может извлечь положительные эффекты, к числу которых можно отнести:

- 1) повышение репутации компании;
- 2) повышение показателей по управлению рисками в связи со смягчением экологических и социальных проблем;
- 3) сохранение лицензии на ведение бизнеса в данном регионе, стране;
- 4) привлечение наиболее квалифицированных кадров.

Обществу в целом и отдельному человеку не безразлично, какими средствами и по каким правилам достигаются цели корпорации. Бизнес вынужден считаться с недоверием к себе, с широко распрос-

транжённным мнением, что он готов делать деньги любой ценой. Поэтому в настоящее время некоторые «российские бизнесмены, особенно те, чей бизнес имеет хотя бы какую-то долю экспортно-импортной ориентации, стремятся приобрести репутацию новой деловой культуры... реализуют политику социальной ответственности, стараясь повысить свой деловой имидж, инвестиционную привлекательность, завоевать доверие различных групп корпоративной аудитории (потребителей, персонала, общества)» [11, с. 23].

Так, опрос, проведённый ВЦИОМ «Социальная ответственность бизнеса глазами россиян» в 2004 г., позволил составить рейтинг наиболее ответственных в социальном плане российских компаний. Этот рейтинг возглавили Газпром, Сбербанк, ЛУКОЙЛ, АвтоВАЗ, РУСАЛ. Их расходы на решение социальных программ в среднем составляют от 1 до 1,5% прибыли [12]. Крупные российские фирмы ежегодно тратят на благотворительность более 1 млрд. рублей.

Мы не являемся сторонниками такой политики социальной ответственности корпорации, когда на корпоративный бизнес перекладывается весь груз имеющихся в обществе социальных проблем. Те или иные составляющие социальной ответственности должны оптимально распределяться между властными структурами разных уровней, корпоративным предпринимательством и самим населением. Каждая из сторон, принимая на себя часть социальной ответственности, должна осознавать, что пропорции социального финансирования не могут быть раз навсегда заданными.

Иначе говоря, в рассматриваемой концепции существует вопрос о границах и формах корпоративной социальной ответственности. Как показала практика, согласование противоречивых экономических и социальных корпоративных и общественных целей во многом достигается посредством выбора корпорациями социально ответственных стратегий [13, р. 19 — 20].

Итак, институт корпоративной социальной ответственности представляет собой совокупность норм, правил, процедур, организационных структур, обеспечивающих социально ответственное поведение корпорации по повышению благосостояния и обеспечению социальных гарантий работников корпораций, жителей территорий, где корпорации осуществляют свою деятельность, общества в целом. Институционализация корпоративной социальной ответственности является общесоциологической закономерностью. Отличительными признаками института корпоративной социальной ответственности являются: устойчивость, воспроизводимость,

нормативность, наличие организационной структуры, профессиональных кадров и социального контроль.

Для института социальной ответственности российских корпораций характерна неразвитость, что подтверждают социологические исследования. Это порождает проблему отстранённости бизнеса и населения друг от друга. В общественном мнении преобладают негативные оценки российского бизнеса. Сам бизнес получает отрицательные эффекты от низкой производительности труда работников. Для решения данных проблем необходима реализация стратегии социализации предприятия. Выход на первый план социальной жизни субъектов корпорации будет означать качественно новый уровень развития предприятия по сравнению с тем его состоянием, когда ведущую роль играли экономические показатели. Только социально ответственная корпорация способна оценить последствия своей деятельности для устойчивого социального развития общества, учесть в своей работе не только текущие интересы, но и интересы будущих поколений.

Социологическая теория стратегии социально ответственного поведения корпорации позволяет лучше понять различные стороны социально-экономической реальности, способствует выводу из состояния неопределённости и бифуркации, более чёткому определению стратегии развития предприятий при предъявлении конкретных требований к ним как к субъектам политики социальной ответственности на микроуровне.

Литература

1. Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка дня / Под ред. С.Е. Литовченко, М.И. Корсакова. — М., 2003.
2. Ч е р н ы ш ё в С. Россия суверенная: как заработать вместе со страной. — М., 2007.
3. Социальная политика и реформы глазами россиян // Социологические исследования. — 2006. — № 12.
4. Самоидентификация россиян: социологический опрос. — М.: РАГС, 2007. — <http://www.rags.ru/node/1031>.
5. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет.— М.: Экономист, 2003.
6. Дотянуться до ЕС // Аргументы недели. — 2008. — № 8.
7. Социальное партнёрство на предприятиях различных форм собственности в современном российском обществе: социологический опрос. — М.: РАГС, 2006. — <http://www.rags.ru/node/443>.

8. К а л ю г и н а С. Сущность и необходимость углубления социализации менеджмента на отечественных предприятиях // Проблемы теории и практики управления. — 2007. — № 8.

9. D a v i s R. The Meaning and Scope of Social Responsibility. — Englewood Clifts, 1974.

10. B r a m e z z a I. The Competitiveness of the European City and the Role of Urban Management in Improving the City's Performance. — Rotterdam: Tinbergen Institute, 1996.

11. Д а н и л о в а О. Социальное инвестирование и российский бизнес // Проблемы теории и практики управления. — 2007. — № 10.

12. Социальная ответственность глазами россиян. — М.: ВЦИОМ, 2004.

13. S e t h i S.P. Japanese Business and Social Conflicts. A Comparative Analysis of Response Patterns with American Business. — Cambridge, 1975.

Рецензенты — С.Г.ИВЧЕНКОВ, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодёжи Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского; Т.М.БАЛАНДИНА, доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета.

СМИ и патриотическое сознание российской молодёжи: состояние и тенденции

С.А.СОРОКИН

XXI век справедливо называют веком информации, её развитие сегодня стремительно и далеко не однозначно. Современное общество всё более зависит от информационных потоков, которые увеличиваются лавинообразно: за последние десятилетия произведено больше информации, чем за предыдущие 5 тыс. лет.

В новых исторических условиях тот, кто управляет информационными потоками, управляет общественным сознанием и общественными процессами, делая их эффективным орудием манипуляции сознанием масс. Представляя собой социальный процесс, социальная информация оказывает долговременное влияние как на отдельные части общества, так и на всё общество в целом.

С появлением масс-медиа прежнее культурное достояние общества или индивида утрачивает своё значение. Радио, телевидение, пресса, новые информационные технологии уже перекрывают и трансформируют воздействие таких традиционных факторов формирования духовного мира личности, как семья, школа, учитель, священник, библиотека и т. д. Они непрерывно усиливают своё мягкое давление и влияние (soft power) на психику человека, его образовательный и культурный потенциал, личное поведение и жизненные интересы.¹ В результате прежняя более или менее целостная система знаний и ценностей заменяется набором переменчивых установок, на которые постоянно воздействуют масс-медиа.

Бурное развитие информационных потоков оказывает глубинное воздействие на состояние и развитие культурных процессов. Потребление информации, особенно молодой частью населения, возрастает в последние годы необычайно стремительно. Человеку становится всё труднее усвоить, систематизировать и осознать весь объём полученной информации. С учётом этого СМИ используют разнообразные информационные клише, цель которых — рационализация воздействия на сознание потребителя и достижение максимального эффекта.

В ходе социологического исследования «Молодёжь и СМИ», проведённого в одном из муниципальных районов на юго-западе Москвы, молодым респондентам был задан вопрос, сколько времени они

уделяют различным информационно-культурным источникам. Лидирующие места заняли телевидение, радио и Интернет, а в арьергарде оказались книги.

Литература — один из древнейших способов коммуникации между «элитой» и «массами», средство образного выражения менталитета нации, одна из форм познания народом своей культурной самобытности, без которой трудно представить себе любовь к Родине. Литература — своеобразное зеркало данного общества, играющее огромную роль в социокультурной идентификации личности, воспроизводстве образа нации.

В настоящее время из школьной программы по литературе выброшены такие важные для развития духовности, формирования патриотического сознания произведения, как «Молодая гвардия» А.Фадеева, «Сын артиллериста» К.Симонова, произведения древнерусской литературы, основные русские народные сказки; катастрофически сокращено количество басен И.Крылова, нет А.Кольцова, бесстыдно «ужаты» Ф.Тютчев, А.Фет, Н.Некрасов, С.Есенин и др. Вычеркнутые из программы обучения, эти произведения, не утратившие своего огромного духовного и воспитательного значения, не рекламируются и не пропагандируются средствами массовой информации. Поэтому имеет место тенденция незначительной востребованности молодыми читателями данной литературы.²

В то же время нельзя не отметить, что необходимы не только классические произведения, но и новые, современные произведения литературы, формирующие у читателей патриотические взгляды. К сожалению, на сегодня таких произведений практически нет, преобладает литература лёгкого содержания, «уводящая» читателя от осмысления происходящего в обществе, государстве, мире, пропагандирующая бездуховность, безнравственность, циничность, эгоизм, культ наживы, секс, жестокость, наркотики, нецензурную лексику, жаргонизмы. Представления об истории страны, мира искажаются, герои, на примере которых были воспитаны многие поколения россиян, высмеиваются, а их место занимают антигерои. В последнее время во многих литературных произведениях, печатной продукции романтизируются и героизируются бандиты, проститутки, аферисты. И чем талантливее написаны подобные произведения, тем они опаснее. По сути, такая литературная продукция является своеобразным духовным наркотиком и, составляя основу чтения, разрушает общепринятые нормы поведения и гуманное отношение к окружающему миру.

Информационное воздействие на людей, и в первую очередь на

не успевшее духовно сформироваться подрастающее поколение, носит в значительной степени деструктивный характер. Современные СМИ неоправданно мало уделяют внимания пропаганде подлинных духовных, культурных ценностей, чаще всего представляют худшие образцы псевдокультуры, антикультуры, создают искажённый исторический и современный образ Российского государства. Из богатой событиями современной действительности они выбирают в основном негативные, мрачные, порочные явления и факты. Многие СМИ играют не последнюю роль в разжигании межнациональных конфликтов, раздувают вызванные ими же столкновения, играют на самых низменных чувствах обывателей, повышая ради наживы рейтинги своих передач и формируя у молодёжной аудитории националистическое, экстремистское сознание.

СМИ мало уделяют места пропаганде гражданственности, патриотизма, готовности собственным трудом принести пользу Родине, защитить её в минуту опасности. Подавляющее большинство американских фильмов на наших экранах, героизируя и романтизируя образ американского солдата и американской армии, одновременно в гротескном, насмешливом либо критическом, порочащем ракурсе изображают советскую или российскую армию, русского солдата. Ярким примером, на мой взгляд, является фильм «Рэмбо», где советские солдаты показаны жестокими, отвратительными, отсталыми от современной жизни людьми, хотя встречаются и исключения, например американский фильм «К-19», рассказывающий о подвиге советских подводников в разгар холодной войны. Современный отечественный кинематограф, к сожалению, также достаточно часто представляет советскую и российскую армию в негативном свете — фильм «Сволочи» или сериалы «ДМБ», «Солдаты». Именно такое представление о родной стране, о соотечественниках усиленно формируется СМИ и кинематографом, в том числе и российским, у подрастающих поколений, ориентируя их исключительно на западные, в основном американские, ценности, на духовную или реальную эмиграцию.

Но в последнее время ситуация в отечественном кинематографе стала изменяться в лучшую сторону, начали появляться фильмы, героизирующие советского и российского солдата («Звезда», «В августе 44-го», «Прорыв», «9-я рота»). Особо хочется отметить фильм «Мы из будущего», по сюжету которого молодые люди, являющиеся «яркими» представителями современного общества, попадают в 1942 год, где у них происходит переоценка жизненных ценностей, истории своей страны, своего народа.

Ещё одна характерная проблема сегодняшнего дня — оскудение языка средств массовой информации. При анализе содержания молодёжных СМИ становится очевидным, что проблематика и тематика большинства материалов ограничивается музыкой, модой, сплетнями и околполитическими материалами скандального характера. Во многих современных СМИ утрачено понимание правил приличия, целесообразности, соразмерности, уместности употребления тех или иных пластов лексики. Всё это чревато самыми серьёзными последствиями для общества: падением общей грамотности, уровня интеллекта, деградацией языка и культуры в целом.

Идеологические установки и цели значительной части молодёжных СМИ полностью или частично не соответствуют государственной идеологии, целям и задачам воспитания подрастающих поколений и проявляют деструктивный, разрушительный характер в различных направлениях и сферах: государственном строительстве, межнациональных отношениях, экономике, педагогике, духовности и культуре, международной и внутренней политике, отношениях разных поколений и преемственности традиций.

При этом государственные органы не используют в полной мере каналов и механизмов регулирования деятельности СМИ в интересах государства и общества, не руководствуются положениями Государственной доктрины информационной безопасности. Неэффективно действует или полностью бездействует система контрпропаганды в тех случаях, когда информационная деятельность тех или иных СМИ представляет собой информационную экспансию, агрессию, блокаду, несущую угрозу государству и обществу или отдельным его сегментам.³

Современные молодёжные СМИ не ориентированы на решение задач по эстетическому, культурному, духовному воспитанию подрастающих поколений, на страницах молодёжных газет и журналов, на молодёжном радио и телевидении чрезвычайно мало места уделяется пропаганде культуры и искусства народов России, классики в области литературы, поэзии, драматургии, театра и кино. Именно культура оказывает решающее воздействие на формирование личности. Без благотворного влияния культуры невозможно не только гармоничное развитие личности, но и полноценное включение её в общественный процесс, созидательную деятельность на благо государства и нации. К сожалению, в современных СМИ уделяется слишком большое внимание пропаганде зарубежной массовой культуры, не обогащающей, а обедняющей духовный мир человека и ведущей к деградации культуры в нашей стране.

В результате такой деятельности СМИ молодёжная культура последнего десятилетия всё более утрачивает общекультурные характеристики, всё меньше места в молодёжной среде отводится ценностям мировой и национальной культуры. Молодёжная культура становится более экстремальной и агрессивной по отношению к внешнему миру, к другим поколениям. Интересы большей части молодёжи эгоцентричны и направлены на удовлетворение собственных материальных потребностей, на решение личных проблем, развитие самодостаточности личности. Всё меньше молодых людей учитывает в своих жизненных планах общественную необходимость, интересы государства, а понятие «патриотизм» в молодёжной среде получило однозначно негативную окраску как символ отжившего, утратившего своё значение, «не модного» проявления личностных качеств.

Но любовь к Родине, патриотизм — не абстрактное понятие, оно основывается на знании родной истории, места и роли своей страны в мире, национальном самосознании и интернационализме, способности знать и уважать традиции и интересы представителей других наций и народов, готовности ставить интересы государства и общества выше своих собственных, личностных амбиций. Отсутствие патриотизма, знания собственно культуры, истории и традиций, духовная пустота порождают национализм, различного рода национальные, культурные, конфессиональные фобии, вражду и агрессивность. Именно поэтому различного рода агрессивные проявления на национальной, религиозной почве более всего характерны малообразованной, малокультурной среде подростков и молодёжи, чей менталитет складывался в атмосфере отрицания традиционной национальной культуры, пропаганды культа силы, агрессии, разжигания национальных противоречий и националистических амбиций.

Идея, способная сегодня сплотить здоровые гражданские силы, — это патриотизм, любовь к Родине, стремление сделать всё для её стабильного развития и процветания. Целью всех россиян, для которых чувство любви к Родине не простой звук, должно стать стремление достойно прожить собственную жизнь и оставить в наследство детям и внукам могучее, единое, многонациональное государство с многовековыми традициями культуры и искусства, обеспечивающее своим гражданам уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. Достичь этого можно, только объединив усилия всех членов общества.

Патриотизм нужно воспитывать повседневно, с детства и на протяжении всей жизни, это должно стать одной из главных государственных

ных задач. Воспитание патриотизма тесно связано с проблемой образования, объективным освещением в учебных пособиях, в СМИ истории Отечества, с пропагандой богатств национальной культуры.

При проведении социологического исследования «Проблемы патриотического воспитания» среди старшеклассников в одном из муниципальных районов на юго-западе Москвы на вопрос об источниках информации по истории 23% респондентов назвали школьные учебники (самый популярный ответ). На втором месте оказалась сеть «Интернет» (18%), на третьем — кино и видеофильмы (15%).

В условиях стратегии вариативного образования в России нет «государственных программ» и «государственных учебников». Все учебники носят авторский характер. Список новых учебных пособий по истории, созданных в 90-е гг., приближается к 300 наименованиям. В Федеральный перечень учебников по истории, рекомендованных (допущенных) Министерством образования и науки к использованию в 2005 — 2006 гг., входило 109 книг.⁴

Содержание современных учебников по отечественной истории, с точки зрения установки на формирование патриотических убеждений школьников, несёт в себе негативные тенденции. В большинстве своём представления авторов учебников о собственной стране характеризуются отсутствием какой-либо общепринятой оценки и ограничиваются изложением чрезмерно большого количества фактов. Причём иногда это изложение содержит мифы и даже искажения исторических событий, что может способствовать противостоянию старшеклассников по их ценностным ориентациям, связанным с восприятием отечественной истории.⁵

К сожалению, в очередной раз мы являемся свидетелями искажения истории, из курса преподавания были исключены или фальсифицированы важнейшие исторические события, замалчиваются великие достижения предков, которыми должны гордиться подрастающие поколения россиян. И это при условии, что почти четверть молодых людей рассматривает учебники в качестве основного источника знаний по истории.

Экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей оказали негативное влияние на патриотическое сознание большинства социальных возрастных групп населения страны, снижено воспитательное воздействие российской культуры, искусства и образования как важнейших факторов воспитания. Объективные и субъективные процессы существенно обострили национальный вопрос. Патриотизм кое-где стал перерождаться в национализм. Проявляется устойчивая тенденция

падения престижа военной и государственной службы. Всего лишь 1% (!) опрошенных старшеклассников считают своим долгом перед Родиной выбор профессии военного. В этих условиях стала очевидной неотложность решения на государственном уровне острых проблем системы воспитания патриотизма как основы консолидации общества и укрепления страны.

На протяжении всей истории армия и флот были оплотом российской государственности, а государство, народ ничего не жалели для Вооружённых Сил. Восстановление традиций любви, уважения народа и заботы государства о своей армии — одна из первоочередных задач не только законодательной и исполнительной власти. Необходимо привлекать к этой работе учёных, писателей, кинематографистов, педагогов, медиков и бизнесменов, работников телевидения, культуры и искусства, представителей духовенства, консолидируя усилия всего общества.

Большинство молодых людей черпают свои знания об армии из СМИ, которые долгое время негативно представляли Вооружённые Силы страны — развал, коррупция, небоеспособность, огромная численность, груды устаревшего оружия, взрывы на складах и т. п. Особый упор делался на якобы моральное разложение солдат и офицеров, «ужасы дедовщины», убийства и самоубийства, мародёрство, чтобы вызвать у тех, кто должен призываться, и у родителей призывников активное неприятие службы в армии, панический страх перед ней.

Сегодня ситуация начала меняться в положительную сторону, в СМИ чаще стали появляться сообщения об улучшении жизни и быта военнослужащих, принятии на вооружение новых образцов военной техники, проведении учений, повышении боеспособности Российской Армии. На телевидении организуются передачи, посвящённые армии («Ударная сила», «Армейский магазин» на ОРТ, «Военная программа» А.Сладкова на РТР). С 20 февраля 2005 г. в эфире появился телеканал «Звезда», полностью посвящённый Российской Армии. Такие изменения в отношении СМИ к нашей армии должны вернуть былой престиж военной службы, помочь преодолеть отрицательное отношение в обществе к Вооружённым Силам, поднять патриотическое сознание граждан России и в особенности молодёжи.

По данным опроса, проведённого с 20 по 27 июня 2005 г. Социологическим центром РАГС в 22-х субъектах РФ⁶, мнения респондентов-школьников относительно объективности освещения СМИ проблем Вооружённых Сил распределились следующим образом: «в основном объективно» — 10%, «объективной и необъективной ин-

формации почти поровну» — 27, «в основном необъективно, информация искажается умышленно» — 28, затруднились ответить — 35%.

Согласно опросу, проведённому автором в октябре 2007 г. среди школьников старших классов одного из муниципальных районов Москвы, ответы на аналогичный вопрос были следующие: «в основном объективно» — 19%, «объективной и необъективной информации почти поровну» — 24, «в основном необъективно, информация искажается умышленно» — 20, затруднились ответить — 37%.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что школьники стали больше доверять СМИ, освещающим деятельность Российской Армии. При этом у молодых людей появилась уверенность в боеспособности наших Вооружённых Сил: на вопрос, способна ли современная Российская Армия противостоять мощному противнику, 65% юношей дали положительный ответ.

Интересны результаты оценки юношами уровня своей начальной подготовки к военной службе. Высоким его считают 13% опрошенных, средним — 43, низким — 25, затруднились ответить — 19%, т. е. большинство молодых людей (56%) считает достаточно высоким уровень своей подготовки. Но желающих служить гораздо меньше — 36%, не хотят служить в армии — 40%.

Результаты исследований показывают, что у многих участников опросов понятие патриотизма ограничено эмоциональными составляющими, а потребность в практическом проявлении этих чувств испытывают только респонденты, признающие необходимым участие в общественно-политической, культурной и экономической жизни общества, в работе патриотических объединений и т. д. Но, к сожалению, их всего от 2 до 7% от общего числа опрошенных. Это говорит о том, что на сегодняшний день патриотизм не воспринимается значительной частью молодёжи как основа и смысл существования и деятельности личности. Поэтому трудно переоценить значение военно-патриотического воспитания молодых людей, которое должно осуществляться не только в учебных заведениях и различных общественных организациях, но и учреждениями культуры, органами местного самоуправления и другими государственными структурами, а также с помощью СМИ.

Прежде системе формирования патриотического сознания была подчинена мощная и скоординированная система образования, книгоиздательства, кинематографа, учреждений культуры — библиотек, театров, музеев и пр. И речь идёт не об идеологическом содержании, а об организационной и финансовой основе этой системы, которая позволяла достаточно эффективно решать задачи культурно-

го тиражирования и иной поддержки важнейших направлений духовного производства. На современном этапе развития нашего государства и общества условия кардинально поменялись. Произошло разгосударствление СМИ, культуры и в какой-то степени образования, уменьшились не только объёмы финансирования учреждений и организаций сферы духовной жизни, но и снизились возможности влияния государства на развитие духовных и нравственных ресурсов общества.

Западные социологи часто повторяют, что в современном мире господствуют три «М» — массовое общество, массовая культура и масс-медиа. Почти вся современная массовая культура проходит через масс-медиа, проникает в самые широкие слои, самые удалённые уголки страны. Масс-медиа одновременно служат и носителями культуры, и средством манипуляции сознанием общества. Способность к быстрому охвату самых широких аудиторий превращает СМИ в важнейший фактор, трансформирующий всю систему духовного производства.

Ценности «общества потребления», которые на начальном этапе «информационного общения» многим россиянам казались весьма привлекательными, со временем дискредитируются осознанием стоящих за ними духовных, социокультурных и экологических проблем. Реакцией некоторой части молодёжи на расширение западного влияния в сфере культуры становится возрастающее стремление к сохранению и развитию культурной самобытности, исторического наследия и независимости.

Анализ реального состояния исторического сознания населения России позволяет сделать вывод, что оно по своему характеру в массе является преимущественно обыденным, эмоционально окрашенным. Реальное историческое сознание россиян — это сложное, противоречивое, достаточно динамичное и подвижное духовное образование. В нём активно противостоят старое и новое, разрушаются одни стереотипы и идеологемы и привносятся другие, не всегда свободные от искажений и иллюзорных представлений. В историческом сознании отражаются все противоречия, свойственные нашему обществу. Оно в значительной степени идеологизировано и политизировано. Поэтому формирование подлинно научного исторического сознания населения становится актуальной теоретической и практической задачей дня, стратегии государственного управления, насущным делом всех социальных институтов.

На современном этапе развития российского общества назрела необходимость внесения серьёзных коррективов в концепцию и ме-

ханизм реализации государственной молодёжной политики, молодёжной культуры, деятельности СМИ, неразрывно связанных между собой в деле воспитания молодого поколения и формировании у него патриотического сознания.

Рецензент — В.Г.МАКСИМЕНКО, кандидат философских наук, профессор кафедры социологии Военного университета Министерства обороны РФ, доцент.

¹ Яновский Р.Г. Патриотизм: О смысле созидющего служения Человеку, Народам России и Отечеству. — М.: Книга и бизнес, 2004. — С. 311.

² Донской В.Г., Ладенкова Е.Ю. Литература как фактор патриотического воспитания подрастающего поколения // ПОИСК. — М.: РИЦ ИСПИ РАИ, 2005. — Вып. XI. — С. 89 — 99.

³ Воспитание патриотизма и интернационализма средствами культуры и искусства. — М.: Серебряные нити, 2006. — С. 28 — 29.

⁴ Скворцова Е. Школьные учебники истории и формирование патриотизма // Наука. Культура. Общество. — 2006. — № 5. — С. 56 — 65.

⁵ Там же.

⁶ Воспитание патриотизма и интернационализма средствами культуры и искусства. — М.: Серебряные нити, 2006. — С. 46 — 51.

Концептуальные основы региональной программы по социальной интеграции молодых людей с инвалидностью

Л.В.ТАРАСОВ

В настоящее время в России практически отсутствует социальная политика в отношении инвалидов в возрасте 18 — 40 лет. Если с детьми-инвалидами ещё ведётся реабилитационная и образовательная работа, то после 18-ти лет они оказываются в социальной изоляции. Жизнь молодого человека с инвалидностью зависит в основном от материального положения его семьи, так как пенсионное обеспечение не позволяет удовлетворять даже базовые потребности. Как показывают исследования, на уровне микросоциума, т. е. в повседневном общении и деятельности, здоровые люди не признают равенства прав с инвалидами, какие бы законодательные акты ни принимались, и недостаточно внимательно относятся к людям с ограниченными физическими возможностями.¹ А для большинства молодых инвалидов характерны низкий уровень образования и личностного развития, заниженная оценка своих возможностей в обществе и самого общества. У многих из них присутствуют комплекс иждивенчества, страх перед взаимодействием с обществом. Все эти факторы являются причинами отчуждения и неустойчивого положения инвалидов в обществе.

После окончания школы или интерната дети-инвалиды попадают в трудную жизненную ситуацию, связанную с необходимостью самоопределения в социуме. В один момент они оказываются в сложном и нестабильном, часто недоступном и не приспособленном для них мире, без всякой поддержки социальных институтов. Тем не менее потребность в самоопределении и самореализации заставляет их искать своё место в обществе, невзирая на трудности и разочарования. При этом большая часть их получает негативный опыт, который является для них дополнительным травмирующим фактором. В связи с отсутствием возможностей для самореализации в социуме процент молодых инвалидов, успешно интегрированных в общество, невысок. Только их незначительная часть благодаря родительской поддержке и собственному упорству преодолевает трудности самоопределения, становясь полноценными членами общества, приобретая любимую профессию, друзей, семью, разнообразные интересы.

Имеющийся в государственной системе образования и социального обслуживания населения механизм решения проблем инвалидов нуждается в совершенствовании. Требуется повышения квалификации и обновления состав специалистов, работающих с инвалидами. В России отсутствует достаточное количество некоммерческих и общественных организаций, имеющих дело с молодыми инвалидами, которые могли бы профессионально решать задачи их интеграции. Этой проблемой в регионах почти никто не занимается, она даже не актуализирована. По предварительной оценке, можно говорить только о единичных случаях эффективной работы с молодыми инвалидами, а в целом — об отсутствии какой бы то ни было деятельности в этой области и на федеральном, и на региональном уровне.

Данные выводы позволяет сделать опытно-экспериментальная работа по изучению положения молодых инвалидов и поиску механизмов преодоления их отчуждения, которая проводилась нами в рамках деятельности Центра социокультурной анимации «Одухотворение»² с 1999 г. до последнего времени в городах Москва и Рязань. Исследования показали высокую степень отчуждения молодых инвалидов от общества и культуры, особенно в Рязани, где отсутствуют элементарные условия для их интеграции, мало общественных организаций, актуализирующих эту проблему в общественном сознании, в средствах массовой информации, в системе социальной защиты населения, в органах исполнительной и законодательной власти.³

Однако активный поиск новых концептуальных моделей интеграции молодых людей с инвалидностью в современных российских условиях привёл нас к разработке и практической реализации в 2002 — 2008 гг. Программы «Социокультурная анимация молодых инвалидов», включённой Департаментом социальной защиты населения города Москвы в Комплексную целевую программу «Социальная интеграция инвалидов и лиц с ограничениями жизнедеятельности в городе Москве» на 2007 — 2009 гг.⁴, а также к разработке Общественной комплексной целевой программы (далее ОКЦП) «Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью»⁴, включённой Правительством Москвы в Программу «Год равных возможностей» на 2009 г.

Общественно-государственное управление в настоящее время становится принципом устойчивого развития страны. Одним из первых об общественной молодёжной политике писал И.М.Ильинский⁵, обосновывая её значение как ведущего фактора, формирующего работу с молодёжью. В основе ОКЦП «Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью» лежит анимационный подход, кото-

рый подразумевает социальную интеграцию молодых инвалидов в процессе их постепенного интеллектуального и личностного развития, самоопределения и самореализации в обществе. Бесполезно интегрировать человека, который ведёт пассивный образ жизни. Интеграция возможна только при высокой жизненной активности самого молодого человека, повышении уровня его образования, вовлечении в общественную и трудовую деятельность. В программе, с одной стороны, активизируется личностный потенциал молодых людей с инвалидностью и направляется на активную культурно-творческую и общественно полезную деятельность, с другой — осуществляется объединение ресурсов государственных учреждений и некоммерческих организаций, высших учебных заведений и молодёжных общественных организаций, которые направляются на оказание помощи молодым инвалидам. Таким образом, организуется движение молодых людей с инвалидностью и общества друг к другу, что и обеспечивает их интеграцию.

Достигается прочное и основательное улучшение в жизни молодых людей — жизненная устойчивость, которая характеризуется в том числе и повышением их материального благосостояния. Программа предполагает получение конкретных и ощутимых молодыми людьми с инвалидностью результатов от их интеграции. В проекте предусматривается реализация программ адресной помощи молодым инвалидам, программ по работе с их семьями, причём особое внимание уделяется поддержке и развитию различных форм самоорганизации таких инвалидов, а также интеграционных форм, в которых молодые люди с инвалидностью и их здоровые сверстники были бы объединены общим делом. В программе содержатся материалы по разработке и внедрению интеграционных моделей в практику, поддержке учреждений, работающих с молодыми инвалидами, а также и самих специалистов.

Первые шаги в этом направлении уже были сделаны нами, начиная с 2002 г. Создано межрегиональное издательство⁶, занимающееся подготовкой и выпуском книг инвалидов, журнала культурно-творческой интеллигенции из инвалидов «Луч Фомальгаута». За это время было издано около 30 наименований книг молодых инвалидов, каждый раз проходивших строгую профессиональную экспертизу. Авторы книг — молодые люди-инвалиды со всей России. Редакция также представляет собой интеграционный коллектив, объединённый не по признаку инвалидности, а общими ценностями, интересами и целями. В работе издательства используются современные информационные технологии, позволяющие преодолевать расстояния и физические ограничения.

В течение всего этого времени нами реализовывалась программа по танцевальной анимации молодых инвалидов, которая происходила при поддержке различных региональных и федеральных фондов. В этой работе были органично соединены люди с инвалидностью (с разными заболеваниями) и молодые специалисты: танцоры, танцотерапевты, психологи, педагоги. Причём особую роль здесь играет не сам процесс обучения, а переход молодых инвалидов из статуса ученика в статус ассистента, помощника преподавателя, который и позволяет ему почувствовать себя в центре полноценных социальных отношений. Опыт данной программы был отражён в авторском фильме И.Панфилова и А.Блинова «Я смогу», снятого в текущем году.⁷

При апробации программы в 2007 г. нами была предпринята успешная попытка консолидации общественных организаций инвалидов, некоммерческих организаций, работающих с ними, социальных вузов и государственных центров социального обслуживания населения. При поддержке Российского государственного социального университета (РГСУ) и Департамента семейной и молодёжной политики города Москвы был проведён «круглый стол» и издан сборник статей, в котором обобщён опыт различных общественных организаций и отдельных лиц, занимающихся проблемами интеграции и реабилитации молодых инвалидов.⁸ Студенты разных вузов Москвы, инвалиды и неинвалиды, были вовлечены в процесс совместной подготовки интеграционного концерта, который стал важным фактором их близкого узнавания друг друга. В процессе опытно-экспериментальной работы для молодых инвалидов создавалась инфраструктура общения, деятельности, познания и творчества, однако взятая в одном учреждении, ограниченная ресурсами, она имела хорошие отдельные результаты, но в целом не позволяла создать комплекс условий для полноценной интеграции молодых людей с инвалидностью.

В основе ОКЦП «Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью» лежат глубокие методологические основания. Инвалид — это показатель физических или умственных ограничений, но не духовных. Молодой инвалид имеет такие же потребности в любви, дружбе, признании, уважении, общении, деятельности, познании, творчестве, как и любой его здоровый сверстник. Интеграция молодого инвалида — совокупность его духовных и социальных отношений с обществом и культурой. Она осуществляется в процессе эмоционально-смыслового развития личности молодого инвалида и как процесс не имеет завершения. Его интегрированность — это пере-

живание инвалидом единства с обществом и культурой на основе общечеловеческих ценностей, на основе отношений, наполненных уважением, признанием и любовью. Интеграция молодого инвалида достижима в обществе только в том случае, если он реализует заложенные в нём творческие силы и способности, имеет возможность осуществить своё призвание. Только тогда молодой инвалид вступает в продуктивные межличностные и деловые отношения, добивается успеха в тех видах деятельности, которыми занимается, находится в гармонии с самим собой и окружающим миром и таким образом интегрируется в общество. Для содействия молодым людям с инвалидностью в самоопределении и самореализации их надо вовлекать в предметную и рефлексивную деятельность, благодаря чему они самостоятельно обнаружат сферу своего призвания. Ведущим движущим фактором интеграции молодого инвалида в социум является его собственное стремление жить полноценной жизнью и реализовывать себя в обществе.

Основным субъектом интеграции является сам молодой человек с инвалидностью (где субъектность — это способность самостоятельно принимать решения и прикладывать личные усилия), а решающим фактором — его усилия по саморазвитию, самовоспитанию, самореабилитации и самоинтеграции. Залогом успешной интеграции служат нравственные качества молодого человека с инвалидностью, его стремление помогать и поддерживать окружающих его людей, принимать ответственность за свою жизнь на себя, не перекладывая её на других. Интеграция возможна при взаимном и естественном интересе такого молодого человека к жизни других молодых людей, она основана на взаимоуважении и отказе от каких-либо манипуляций друг другом.

«Интеграцию» можно рассматривать как средство и как цель. Когда речь идёт об интеграции как средстве, то имеется в виду организация любых форм совместной деятельности молодёжи с инвалидностью и молодёжи без оной. Это средство приносит пользу, если процесс осуществляется на основе взаимного интереса друг к другу и с определённой степенью подготовки тех и других, но оказывается вредным, если заключается в поспешном и непродуманном соединении в одном пространстве и времени без чёткой объединяющей их идеи и деятельности. Когда же интеграция рассматривается как цель, то имеется в виду процесс постоянного и плодотворного развития отношений молодого человека с обществом. В этом смысле «интеграция» становится органичным соединением человека и общества в одно целое, когда индивид и общество востребова-

ны друг другом. В такой востребованности человека и общества лежит ключ к подлинному межличностному единению и психологическому комфорту личности, а также к постоянному развитию отношений молодого человека в обществе. Понятие «интегрированность» в данном контексте можно рассматривать как необходимый и достаточный для полноценной жизни молодого человека уровень развития его отношений в обществе. Причём важно, чтобы в нём были отражены все аспекты бытия человека: духовный, психологический, социальный.

Очень большое значение в интеграционном процессе имеет ориентация молодого человека с инвалидностью на самореализацию личности. Термин «самореализация» является одним из ключевых в Стратегии государственной молодёжной политики Российской Федерации⁹. С точки зрения гуманистического подхода, личность имеет внутренний потенциал и стремится выявить и реализовать его в течение всей своей жизни. Реализация потенциала в наибольшей степени содействует гармонизации жизни молодого человека и интеграции его в обществе. Это относится и к молодым людям с инвалидностью. В процессе самореализации и проявления различных форм активности молодой человек вступает в плодотворные и удовлетворяющие его межличностные взаимодействия. Если рассматривать интеграцию в межличностном аспекте, то важно не количество, а качество его связей с другими людьми, важны те из них, которые складываются на основе процессов самореализации субъектов общения. Самореализация и возникающее на её основе общение составляют суть подлинной интеграции человека.

Образование и трудоустройство являются чрезвычайно важными элементами социальной интеграции, позволяющими молодому человеку с инвалидностью стать конкурентоспособным на рынке труда и претендовать на хорошую работу и её достойную оплату. Эти составляющие способствуют независимой жизни молодого инвалида и его жизненной устойчивости. Ещё более важным, сложным и ответственным фактором интеграции становится создание семьи, которая в данном контексте играет существенную роль. Именно в семье возможны подлинно глубокие личностные отношения, так необходимые для психологического здоровья личности и преодоления отчуждения. Вопрос о сексуальных отношениях молодых людей с инвалидностью является весьма серьёзным аспектом их жизни. В целом, создание семьи молодыми людьми с инвалидностью требует от общества наличия развитой и эффективной системы их социальной защиты и поддержки.

Интеграция возможна на основе деятельностного подхода и принципа занятости, которые не ограничиваются профессиональной работой, а включают в себя также добровольческую деятельность, различные виды творческих занятий. Причём неформальные виды деятельности, не требующие от человека соблюдения трудового или учебного режима, постоянства, дисциплины, умения находить общий язык с коллегами и начальством, имеют очень большое значение в процессе интеграции молодого человека с инвалидностью — они формируют фундамент отношений человека с обществом. Для кого-то и этого фундамента уже будет достаточно, чтобы чувствовать себя полноценным гражданином страны.

Для запуска интеграционных процессов в первую очередь необходимо создать такие условия для личности, где она могла бы проявить различные формы духовной активности: общение, деятельность, познание и творчество, направленные на самореализацию. Именно эта задача ставит молодёжь вне зависимости от наличия или отсутствия инвалидности на общечеловеческий уровень, для которого заболевания, ограничения, низкий социальный статус и инвалидность не играют никакой роли. Каждый проявляет себя в той мере, в какой ему это внутренне необходимо, главное, чтобы все четыре процесса осуществлялись. Подобный подход также создаёт очень важную атмосферу — равенство друг другу всех без исключения участников взаимодействия.

Не менее важным интеграционным механизмом является духовная культура общества, способная стать опорой для любого человека, особенно оказавшегося в ситуации инвалидности. Она содержит в себе опыт, помогающий личности преодолевать жизненные трудности. Культура расширяет спектр субъектов, с которыми молодой человек-инвалид может взаимодействовать. Герои книг и их авторы в условиях социальной изоляции могут стать достойными субъектами общения и способствовать развитию таких молодых людей. Хотя, конечно, это является только временной и дополнительной мерой, которая ни в коей мере не может заменить живого общения и деятельности. В любом случае знакомство с широким историческим контекстом жизни общества, её культурными основами делает более простым и естественным вхождение молодого человека с инвалидностью в жизнь общества, в реальные отношения с людьми.

Но наиболее важным из всех интегрирующих факторов можно считать культурно-творческую интеллигенцию из молодых инвалидов, которая служит для них не только образцом, но и активно действующей социальной силой, направленной на их поддержку. От раз-

вития этой силы зависит успех интеграционных усилий общества. Здесь важно понимать, что интеллигенция из среды молодых инвалидов является не просто интеллектуально развитой субкультурой, а неотъемлемой, интегрированной частью всего общества.

Можно выделить следующие принципы интеграции молодых людей с инвалидностью.

- Молодые инвалиды — часть молодёжи, которой нужна помощь по выходу из трудной жизненной ситуации.
- Интегрируя молодых инвалидов, надо работать с ними, как с обычной молодёжью, а не как с людьми, у которых есть проблемы.
- Об инвалидности молодого человека мы вправе вспомнить лишь тогда, когда занимаемся его лечением или реабилитацией.
- Реабилитацию необходимо проводить комплексно: медико-социальными, психолого-педагогическими и социокультурными средствами.
- При реабилитации нельзя забывать, что молодой человек хочет жить «здесь и сейчас», а значит, надо помочь ему использовать максимум тех возможностей для жизни, которые у него есть в данный момент.
- В основе интеграции и реабилитации должно лежать вовлечение молодого человека в деятельность.
- Деятельность не должна создаваться искусственно извне, а основываться на интересах и инициативах самого молодого человека.
- Одна из главных потребностей молодых людей с инвалидностью — самореализация.
- Для того чтобы помочь молодому человеку интегрироваться, надо оказывать ему содействие в реализации его собственных целей и задач.
- Основой интеграции молодого человека с инвалидностью должны стать его активная жизненная позиция и общественно полезная деятельность.
- Интеграция молодых инвалидов в обществе невозможна без организации для неё жизненного пространства, участия неравнодушных к ним людей и создания условий для их общения, деятельности, познания и творчества.

Цели ОКЦП «**Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью**» практически совпадают с целями проекта «Шаг навстречу» Стратегии государственной молодёжной политики РФ. На данном этапе молодёжной политики этот документ является основополагающим в работе с молодёжью, принятым Правительством России в декабре 2006 г. Данные цели позволяют системно решать

проблемы молодых инвалидов, так как в комплексе воздействуют на три субъекта интеграции: оказывают помощь самим молодым инвалидам; посредством некоммерческих организаций вовлекают молодых людей с инвалидностью в различные сферы жизни общества; формируют позитивное восприятие людей с инвалидностью в общественном сознании.

Цели программы:

- оказание помощи по интеграции в общество молодым инвалидам, формирование их жизненной устойчивости;
- вовлечение молодых инвалидов в общественную, социально-экономическую и культурную жизнь общества;
- развитие и популяризация в обществе идей толерантности и содействия молодым людям с инвалидностью.

Задачи программы:

- создание условий для полноценной жизни молодых инвалидов «здесь и сейчас»;
- создание условий для эмоционально-смыслового развития молодых инвалидов, их самоопределения и самореализации, образования и профессионального развития;
- формирование благоприятных условий для жизни и развития личности молодого инвалида в семье;
- формирование различных видов и форм общения молодых инвалидов между собой и с физически здоровыми сверстниками, создание психологически благоприятных отношений молодых инвалидов и физически здоровых людей;
- создание условий для общественно полезной деятельности и трудоустройства молодых инвалидов, вовлечение их и физически здоровой молодёжи в совместную культуротворческую, общественную, трудовую деятельность;
- вовлечение культурно-творческой интеллигенции, а также студенческой молодёжи в добровольческую деятельность по оказанию помощи молодым инвалидам и созданию интегрированных общностей, построенных на отношениях уважения, признания и любви;
- поддержка информационных проектов молодых инвалидов, направленных на их интеграцию в культуру;
- содействие психологической и физической реабилитации молодых инвалидов, создание доступной среды;
- развитие систем информирования и программ социального просвещения общества по всему спектру вопросов жизни молодых инвалидов в обществе.

Основными направлениями реализации программы являются:

- проведение общественной экспертизы качества среды жизнедеятельности молодых инвалидов;
- выявление их групп, нуждающихся в поддержке;
- организация комплексной (медико-социальной, психолого-педагогической и социокультурной) работы с молодыми инвалидами;
- распространение программ развития навыков и умений самостоятельной жизни для них;
- развитие групп самопомощи молодых инвалидов, интеграционных форм их деятельности и общения;
- поддержка проектов молодых инвалидов, благодаря которым они будут вовлечены в общественную, социально-экономическую и культурную жизнь и улучшат своё положение в обществе;
- проведение молодёжных акций (интеграционных), в которые будут органично включены молодые люди с инвалидностью;
- разработка системы вовлечения молодых специалистов социальных вузов в деятельность организаций, работающих с молодыми инвалидами;
- создание информационного реабилитационно-интеграционного пространства, способного постоянно и системно доносить до молодых инвалидов, нуждающихся в поддержке, информацию о существующих центрах, действующих там услугах и о работающих в них специалистах, а также информировать общество о потенциале и возможностях молодых людей с инвалидностью;
- проведение научно-исследовательских и научно-внедренческих работ с разработкой моделей, технологий и методик поддержки и интеграции молодых инвалидов, анализ и обобщение эффективного проектного опыта.

Методы программы:

- актуализация проблем молодых людей с инвалидностью в общественном сознании через средства массовой информации, общественные слушания и конференции;
- активизация и объединение в одном проблемном поле всех лиц, заинтересованных в интеграции молодых инвалидов (интеллигенции, специалистов, родителей детей-инвалидов, молодых инвалидов без нарушений интеллекта и т. д.) средствами проектных семинаров;
- организация адресной помощи молодым людям-инвалидам в социальной интеграции;
- их социальная и социокультурная реабилитация, социокультурная анимация;

- организация внешкольного образования для молодых инвалидов, вовлечение их в клубы по месту жительства;
- использование специальных технологий развития и образования различных категорий молодёжи с инвалидностью: нарушениями слуха и зрения, умственными ограничениями и т. д.;
- вовлечение молодых инвалидов в общественно полезную деятельность, создание для них постоянных и временных рабочих мест;
- пропаганда активного образа жизни среди молодых людей, имеющих инвалидность, поддержка соответствующих информационных проектов, распространение актуальных информационных ресурсов и социальной рекламы о молодых инвалидах.

План реализации программы

№ п/п	Этап	Направления деятельности
1	Подготовительный	Создание коллектива профессионалов по управлению программой, обладающих значительным опытом эффективной работы по интеграции молодых инвалидов в обществе, объединённых общими представлениями о путях решения этой проблемы. Создание экспертной комиссии по отбору и оценке проектов.
2	Основной	Сбор всего доступного опыта инновационной и эффективной деятельности по интеграции молодых инвалидов в обществе. Анализ опыта работы с молодыми инвалидами. Проведение методологических, проектных и обучающих семинаров с целью привнесения методологии работы с молодыми инвалидами в другие учреждения, инициации создания проектов по интеграции молодых инвалидов в обществе; Реализация программ и проектов организаций, проведение мониторинга и оценка результатов проектов.

3	Заключительный	<p>Включение в деятельность новых организаций, где будут проводиться методологические и обучающие семинары.</p> <p>В организациях, где уже были осуществлены пилотные проекты, будут разрабатываться проекты моделей интеграции молодых инвалидов в обществе.</p> <p>Проведение тщательного анализа, выработка рекомендаций для внедрения реализованных моделей в других организациях и на других территориях.</p>
---	----------------	--

Критерии оценки эффективности реализации программы

№ п/п	Критерий	Показатель
1	Формирование жизненной устойчивости молодых инвалидов	<p>Самоопределение и самореализация личности.</p> <p>Повышение её жизненной активности.</p> <p>Повышение уровня образования личности.</p> <p>Вовлечение её в общественно полезную и трудовую деятельность.</p>
2	Создание самоорганизующихся общностей молодых инвалидов и интегрированных общностей	<p>Выдвижение инициатив молодыми инвалидами с активной гражданской позицией.</p> <p>Создание молодыми людьми с инвалидностью групп самопомощи и взаимопомощи.</p> <p>Разработка и реализация молодыми инвалидами творческих и социальных проектов.</p> <p>Вовлечение молодых людей-инвалидов в интегрированную деятельность вместе со здоровыми людьми.</p> <p>Создание молодыми инвалидами общественных объединений и организаций, коммерческих предприятий.</p>
3	Формирование региональной инфраструктуры по социальной	Наличие активных и профессиональных деятелей по интеграции молодых инвалидов в общество.

	интеграции молодых инвалидов	<p>Создание реестра организаций, эффективно работающих с такими инвалидами.</p> <p>Разработка технологий и методик интеграции молодых людей с инвалидностью в общество.</p> <p>Реализация эффективных социальных проектов.</p> <p>Разработка моделей интеграции на уровне района, округа.</p> <p>Разработка региональной модели интеграции.</p> <p>Создание органов общественной экспертизы интеграции молодых инвалидов в обществе.</p>
--	------------------------------	--

В результате будет улучшено качество жизни молодых инвалидов, в регионе развёрнута целенаправленная интеграционная работа с ними, созданы разнообразные формы самоорганизации молодых людей-инвалидов, а также и интеграционные формы работы. Программа позволит вовлечь такую молодёжь в деятельность молодёжных общественных объединений, клубов и организаций по месту жительства, общественных и трудовых коллективов, более активно привлечь в качестве исполнителей государственные и общественные органы, работающие с молодёжью, а также молодёжные организации и объединения молодых инвалидов. Кроме того, программа поддержит деятельность организаций, способных на профессиональном уровне обучать молодых людей с инвалидностью и молодёжь, испытывающую трудности в интеграции, знаниям, умениям и навыкам, необходимым для жизни в социуме.

В регионе предполагается использовать имеющиеся общественные и некоммерческие организации, центры по работе с молодёжью, типовые учреждения социального обслуживания населения, подростковые и молодёжные клубы по месту жительства, комплексные центры для молодёжи: социального обслуживания, социально-психологической помощи, экстренной психологической помощи по телефону, планирования семьи, правовой помощи, информации и т. д.

Основным ресурсом программы является личностный и профессиональный потенциал людей, которые работают с молодыми инвалидами. При этом необходимо создать условия для материальной поддержки таких специалистов (педагогов, психологов, руководи-

телей кружков, коллективов и др.) как основного ресурса в деятельности по интеграции молодых людей-инвалидов в общество. Одной из основных форм оказания помощи молодым людям с инвалидностью будет индивидуальная работа с ними, не требующая значительных материально-технических вложений, но использующая внутренние ресурсы тех, кто имеет дело с такой молодёжью, их сердечность и душевную теплоту.

Программа аккумулирует общественные и региональные ресурсы, её участники приобретут необходимые знания и умения для дальнейшего самостоятельного осуществления проектов в данной области, привлечения ресурсов для реализации этой программы. Основной акцент делается на мобилизацию ресурсов организаций и специалистов, умеющих и стремящихся работать с данной категорией молодёжи, особенно — на организацию эффективных процессов по интеграции конкретных групп молодых инвалидов в общество. Здесь возможны различные варианты финансирования программы:

1. Финансирование из единого источника (финансовые средства будут закреплены за каждой организацией в программе);

2. Финансирование из различных источников (каждая организация получает финансовые средства по гранту или социальному заказу на реализацию своей части программы);

3. Использование собственных средств для реализации программы (госучреждения работают в рамках действующих финансируемых программ и добровольческой деятельности, общественные — в рамках грантовых программ и добровольческой деятельности).

Форма работы коллектива по внедрению ОКЦП должна быть открытой. Важнейшим принципом программы является её финансовая прозрачность, бюджет программы должен быть ясен для её участников и экспертов государственных структур. Одним из основных элементов взаимодействия в рамках программы является защита авторских прав и интеллектуальной собственности участников. Программа должна носить воспитательный характер в отношении общества, государственных структур и общественных организаций, показывать возможности и потенциал взаимодействия госучреждений, вузов и некоммерческих организаций, а также пути их эффективной совместной деятельности.

По итогам реализации программы в ближайшие три года мы планируем: получить измеряемое улучшение жизни конкретных молодых людей с инвалидностью; создать постоянную целевую программу в Москве, основанную на привлечении заинтересованных людей, ориентированных на результат и качество работы с молодыми инва-

лидами; содействовать развитию организаций и повышению уровня подготовки специалистов, работающих с молодыми людьми-инвалидами; создать пакет технологий и методик по интеграции молодых людей с инвалидностью в обществе; осуществить мониторинг результатов программы самими молодыми инвалидами; достигнуть экономической выгоды от программы за счёт координации усилий организаций и выстраивания интеграционных и реабилитационных процессов.

Рецензент — С.Н.ФОМИНА, кандидат педагогических наук, доцент кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии РГСУ.

¹ Д о б р о в о л ь с к а я Т.А., Ш а б л и н а Н.Б. Инвалид и общество: социально-психологическая интеграция // Социс. — 1991. — № 5. — С. 3 — 8.; те же авторы: Социально-психологические особенности взаимоотношений инвалидов и здоровых // Социс. — 1993. — № 1. — С. 62 — 66.

² См.: www.oduhotvorenje.com

³ Т а р а с о в Л.В. Формирование жизненной устойчивости инвалидов в процессе социокультурной анимации в учреждении культуры / Дисс. канд. пед. наук. — М.: МГУКИ, 2005.

⁴ Общественная комплексная целевая программа «Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью». — М.: Одухотворение, 2008.

⁵ И л ь и н с к и й И.М. Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория. — М.: Голос, 2001.

⁶ См.: www.izdat-luch.ru

⁷ Б л и н о в А., П а н ф и л о в И. Я смогу // Док. фильм. — М.: Одухотворение, 2008.

⁸ Технологии интеграции молодых инвалидов в обществе / Под ред. О.Н. Субаевой и Л.В. Тарасова. — М.: Одухотворение, 2007.

⁹ Г у с е в Б.Б., Л о п у х и н А.М. Стратегия государственной молодёжной политики РФ. — М.: РГСУ, 2007.

Профессиональная самоидентификация российских врачей: вызовы времени и перспективы

О.Н. МАМОНОВА

Медицина — та профессия, в которой именно развитая интеллектуальная составляющая определяет кодифицированные нормы поведения, а также связи с различными социальными группами и институтами. Среди многочисленных профессиональных групп врачи занимают специфическое положение ввиду особой социальной значимости врачебного труда, высочайших требований к квалификации врача, обладания полномочиями на самостоятельное принятие решений, от которых зависит сама жизнь пациента, и т.д. В статье анализируется феномен профессиональной самоидентификации российских врачей, чьей важной особенностью в современный период является несомненная динамика, связанная с процессами реформирования отечественной системы здравоохранения. Подход, предложенный в данной статье, показывает, что профессиональная самоидентификация развивается в условиях кризиса и достигается в основном в процессе самореализации индивида.

Коренные социально-экономические и социально-политические изменения, происходящие в России с начала 90-х гг. XX века, оказывают сильнейшее влияние на все сферы жизни общества, порождая, в частности, такие масштабные и опасные явления, как «ценностный разлом», распад общества на отдельные социокультурные пространства, снижение качества жизни отдельных социальных слоёв и групп, неэффективность социальных гарантий. В подобных условиях критически важной становится способность общества к обеспечению самосохранения, саморазвития и системной целостности. Уникальным потенциалом для решения этой задачи обладает такой многоплановый, комплексный и неоднозначный феномен, как самоидентификация профессиональных групп, в значительной степени формирующая мировоззрение личности, её ценностные ориентации, взгляды, установки и транслирующая идеи, социальные настроения, стереотипы поведения и т.п.

К настоящему времени научное сообщество в целом всё более и более ориентируется на признание особой роли профессиональной дифференциации в изучении структуры современного общества. В отличие от эпохи классической социологии профессия явно становится доминирующим критерием стратификации и одним из глав-

ных факторов, предопределяющих социальное положение человека. Согласно Т.Парсонсу и Н.Стореру¹, собственно профессия (профессиональная группа) отличается от более аморфной характеристики «род занятий» и обладает институциональной самостоятельностью и эффективностью при выполнении следующих условий:

- наличие у представителей профессии (профессиональной группы) некоторой совокупности специальных знаний, за хранение, передачу и расширение которой ответственны институты профессии;
- автономность профессии в привлечении новых членов, их подготовке и контроле их профессионального поведения;
- заинтересованность социального окружения профессиональной группы в итоговом результате деятельности её членов, гарантирующая как существование, так и действенность профессиональных институтов;
- наличие форм вознаграждения, выступающих достаточным стимулом для специалистов и обеспечивающих их высокую мотивацию относительно профессиональной карьеры.

Вполне очевидно, что максимально близки к выполнению перечисленных условий наиболее «выраженные» профессиональные группы, к которым социологическая традиция, восходящая к работам Э.Дюркгейма, причисляет священнослужителей, врачей и юристов. Необходимым общепризнанным условием эффективной врачебной деятельности является наличие у врачей высокоразвитой позитивной ценностной системы, гуманистических социальных чувств, высоких человеческих качеств, обладание которыми тесно связано с выраженной самоидентификацией данной профессиональной группы. Состояние таковой профессиональной группы российских врачей сегодня крайне противоречиво. Опасных значений достигли факторы, расшатывающие самоидентификацию, стимулирующие аномию, разрыв с профессиональной группой. К числу таких факторов принадлежат, в частности, переход основной массы врачебного сообщества в социальный слой «новых бедных», усиление внутриврачебной стратификации, падение престижа профессии, серьёзные недостатки в управлении отраслью и т.д. Однако весь опыт развития отечественной науки свидетельствует о силе и жизнестойкости гуманистических традиций российского врачебного сообщества и его внутренней сплочённости, а социальная значимость труда врача в нынешний период, когда неудовлетворительное состояние здоровья населения превращается в важнейшую проблему национальной безопасности, резко возрастает. В то же время в условиях системного кризиса российского общества самоидентификация становится одним из приоритетных факторов,

стабилизирующих состав профессиональной группы российских врачей, распад которой тождествен гибели отечественной системы здравоохранения. При этом очевидно, что развитие процесса самоидентификации не может рассматриваться вне контекста реформирования данной системы.

Важно отметить, что все современные заметные социально-философские и социологические научные школы считают потребность в самоидентификации одной из базовых органических потребностей личности. В социальных науках постулируется, что коллективная идентификация начинается с общего образования, сходных семейных ценностей, социального окружения и изменяется в процессе экономического кризиса. Э.Эриксон полагал, что проблемы идентификации проявляются, когда человек чувствует свою отчуждённость от общества, например в случае безработицы. Таким образом, можно предположить, что проблемы самоидентификации профессиональной группы могут проявиться через обесценивание статуса данной группы в обществе. По Н.Маннингу², резкое изменение социальной структуры в России в 1990-х годах привело к кризису социальной идентичности в обществе, отмеченном в ряде крупных исследований, например, Т.И.Заславской, О.И.Шкаратана, В.А.Ядова и др. Профессиональная группа российских врачей, которая является объектом нашего исследования, оказалась «обесцененной профессией» во времена перестройки: в основном представители данной группы обладали низким доходом, низким статусом и работали в достаточно плохих условиях (устаревшая техника, аварийные здания и пр.). Начиная с перестройки, в России произошла масса изменений, но, по мнению автора, самоидентификация врачей в стране всё ещё находится в состоянии кризиса. Целью исследования было изучение самоидентификации, социальных интересов и ценностей, процесса становления и осознания профессиональной самоидентификации российскими врачами, а также определение системы ценностей респондентов посредством сравнения представителей из государственных и частных клиник. В современной отечественной и зарубежной науке практически не существует социальных исследований на подобную тему, где анализируются проблемы восприятия и самоидентификации врачей из государственных и частных секторов. Именно поэтому понимание процесса становления профессиональной самоидентификации российских врачей может способствовать улучшению качества предоставления медицинской помощи в России.

«Подход характеристик» («The trait approach»)

Согласно О.В.Юрченко³, ранние работы по проблематике профессий были посвящены вопросу, какими именно характеристиками, кроме собственно высшего образования, должны обладать профессионалы, чтобы повысить свой социальный статус. Так называемые «трэйт-учёные»⁴ пытались выявить суть феномена, который, по их мнению, мог бы быть выделен через набор критериев, присущих всем распространённым профессиям.⁵ На основе этих критериев или переменных социологи пытались сконструировать «идеальный тип» того, что составляет «профессию».⁶ «Трэйт-учёные» использовали понятия «идеальный тип профессии» и «профессия» как взаимозаменяемые. Роды занятий, которые были лишены «профессио-нального статуса», в представлении «трэйт-учёных» нуждаются в «профессионализации», в приближении к «идеальной модели» профессии. Э.Карр-Сандерс и П.Уилсон отмечали профессии среди наиболее «стабильных элементов общества». По их мнению, «профессии наследуют, сохраняют, продолжают традиции, они воплощают модели жизни, привычные мысли и стандарты суждений, которые оказываются центрами сопротивления жестоким силам, которые угрожают стабильной и мирной эволюции»⁷. Э.Карр-Сандерс измерял степень приближённости различных родов занятости к идеальному типу профессии, основываясь на их базе знаний. Он выделял четыре основных типа профессиональных занятий в обществе: (1) признанные профессии (юриспруденция, медицина и Церковь); (2) новые профессии (инженерия, химия, бухгалтерия, естественные и социальные науки); (3) полупрофессии (сестринское дело, фармацевтика, оптометрия и социальная работа); (4) будущие профессии (менеджеры и бизнес-администрирование). Яркой иллюстрацией к модели «трэйт-подхода» можно представить работу Дж.Миллерсона, поместившего в неё после тщательного изучения социологической литературы 23 элемента, которые включались в различные определения «профессии».⁸ Эти 23 переменные были собраны из работ более чем 20-ти авторов, которые пытались определить «сущностные элементы истинных» профессий. Некоторые социологи отрицали идею списков исчерпывающих критериев для различения профессий по видам занятости; напротив, они пытались выработать интегративные категории.⁹ М.Сакс полагает, что в основном эти списки интегративных категорий состоят из теоретически несопоставимых атрибутов.¹⁰ Однако поиск идеальной модели профессии укладывается в рамки парадигмы функционализма, хотя некоторые «трэйт-писатели» не ассоциируют себя с функционализмом. Работы социологов Англо-американской социологии профессий по

центральному вопросу, как далеко профессиональные группы субординируют собственные интересы интересам остального общества, разделились: до конца 1960-х гг. «трэйт-писатели» и функционалисты в литературе по данному вопросу утверждали, что профессионалы живут ради своей альтруистической идеологии и более ориентированы на общественное благо, чем на собственные узкие групповые интересы.

Проблемы самоидентификации

Профессиональная самоидентификация является одним из наиболее важных механизмов вторичной социализации личности. Люди воспринимают себя через призму вида занятости как человека, выполняющего определённую профессиональную роль, которая может длиться на протяжении всей жизни индивида. Профессиональная самоидентификация всегда связана с этическим кодом и утверждением профессиональной группы в обществе, где она обязательно пытается достичь некоторой автономии. Таким образом, профессиональная самоидентификация отражает степень участия индивида в системе его базовых социальных взаимодействий, поскольку удовлетворение основных потребностей и интересов индивида находится в прямой зависимости от результатов его профессиональной деятельности (вознаграждение, статус, позиция). В то же время профессиональная самоидентификация влияет на другие виды идентификации посредством социально-психологических механизмов, связанных с категорией «авторитет». Поскольку последний формируется при непосредственных контактах, то вполне очевидно, что наиболее значимым является профессиональный авторитет, т. е. мнение профессионалов, с которыми работает индивид. Именно влияние авторитетов помогает в адаптации индивида к определённым социальным и культурным нормам и делает этот процесс практически автоматическим.

Среди крупных исследователей, внесших значительный вклад в постановку собственно проблемы самоидентификации, следует особо отметить З.Фрейда, Э.Фромма¹¹ и других представителей психологического подхода к изучению данного феномена. Из западных учёных более позднего времени наибольшее влияние на развитие психологического подхода оказали Э.Эриксон¹², создавший оригинальную теорию психосоциального развития личности, и Р.Тернер¹³ — социальный психолог, работавший в русле ролевой теории личности. Важная заслуга в постановке социально-философской и социологической проблемы самоидентификации принадлежит американ-

ским социологам Дж.Миду и Ч.Кули¹⁴, труды которых явились основой для развития нового научного направления — символического интеракционизма. К аналогичному пониманию самоидентификации близки многие современные западные исследователи, в частности Э.Гидденс¹⁵, изучавший процесс возникновения новых психосоциальных механизмов личностной самоидентификации, формирующихся под влиянием трансформирующихся институтов современности и в свою очередь трансформирующих последние. Заметный интерес для изучения самоидентификации в условиях системного кризиса представляют работы А.Турена, Дж.Уикса, Дж.Элсоп и других социологов, находящихся в определённой степени под влиянием концепции «общества риска», предложенной У.Беком, или её аналогов.¹⁶ Существенные научные результаты в области проблем самоидентификации профессиональных групп получены к настоящему времени представителями социологии профессий, из числа которых в первую очередь следует упомянуть Дж.Эветтс и М.Сакса.¹⁷ На сегодня создано достаточно много разнообразных теорий личности, существенно отличающихся друг от друга методологическими установками¹⁸ (марксистская теория личности; теория нравственного развития — Л.Колберг и др.; ролевая теория личности — Р.Линтон, М.Морено, Т.Парсонс и др.).

Термин «идентификация» приобрёл особо заметное распространение в области теории личности в 70-е гг. XX века. Собственно термин «идентификация» был впервые упомянут З.Фрейдом ещё в 1899 г. в работе «Толкование сновидений»¹⁹. Однако его более широкое введение в научный обиход, по распространённому мнению, связано с влиянием работ американского учёного Э.Эриксона²⁰, который создал теорию психосоциального развития личности, рассматривающую восемь стадий развития «Я». На каждой стадии вырабатываются и уточняются ориентиры по отношению к себе и к внешней среде и каждая из них, согласно Э.Эриксону, соответствует одной из восьми основных задач, которые человек так или иначе решает в течение своей жизни, причём актуализация конкретной задачи зависит от очередного возрастного кризиса. Безусловное обострение проблемы идентификации Э.Эриксон связал с ситуациями, когда человек чувствует себя «отчуждённым» от общества или профессиональной группы, например становится безработным. Однако заслуга постановки социально-философской и социологической проблемы идентификации (самоидентификации) в её современном понимании принадлежит, как представляется, американским социологам Дж.Миду и Ч.Кули²¹, хотя в своих работах, относящихся

к 20-м — 30-м гг. XX века, они употребляли в качестве синонима самоидентичности традиционный философский термин «самость» (англ. «self»). Исследования Дж. Мида и Ч. Кули явились основой для развития нового научного направления — символического интеракционизма, в котором самоидентификация выступает как результат социальной интеракции и одновременно как фактор, обуславливающий социальную интеракцию, т. е. индивидуальное «Я» рассматривалось ими как зеркальное отражение отношения других. Согласно концепциям этих исследователей люди предстают социальными актёрами, которые, подобно актёрам в театре, каждый день играют определённые роли. Среди учёных, развивавших данные взгляды, следует особо отметить активно публиковавшегося в 50-е — 60-е гг. И. Гоффмана, позицию которого американский учёный А. Коэн сжато характеризовал следующим образом: «Гоффман видит персональную идентичность как намеренную конструкцию, созданную, чтобы охранять её строителя от больших неудобств в процессе общения со «значимыми другими». На самом деле, он анализирует всё поведение человека как созданное поведение игрока в стратегической игре»²². Под специфическим углом зрения рассматриваются проблемы идентичности так называемой «ролевой теории», среди современных зарубежных представителей которой наиболее известен американский исследователь Р. Тернер.²³ В англо-американской литературе анализ профессиональной самоидентификации в основном идёт с точки зрения «Нео-Веберианского подхода», представленного классическими работами Т. Джонсона, Э. Эббота и И. Фрейдсона.²⁴ Однако ещё Дюркгейм придавал особое значение профессиональной этике, поскольку для институализации профессии наиболее важным является наличие письменных и устных правил поведения. По Э. Эбботу, профессионалы вовлечены в постоянный процесс приспособления к социальным изменениям и должны «стоять на страже», ограничивая доступ в свою профессиональную группу, защищая свои знания от посторонних. Согласно Дж. Эветтс, профессиональная самоидентификация может быть представлена в виде разделённого опыта и понимания, общего видения проблем и путей их решения. Эта идентификация постоянно воспроизводится посредством общей образовательной базы и профессиональной подготовки, схожих ситуаций в рабочей практике, участием в профессиональных ассоциациях и сообществах, в которых врачи развивают и распространяют свою профессиональную культуру.²⁵ Таким образом, профессиональная самоидентификация является одним из основных факторов устойчивости внутреннего мира человека, важней-

шим элементом социального самоопределения личности и профессиональной группы. Опираясь на теории У. Бека и Э. Гидденса, можно предположить, что «рискованный» характер современного общества и постоянно появляющиеся новые риски приводят к перманентной адаптации к ним как индивидов, так и профессиональных групп. Отсюда, по мнению автора, следует, что новые формы адаптации, вызванные новыми рисками, неизбежно ведут к новым идентификациям, а самоидентификация профессиональной группы в свою очередь приобретает черты механизма адаптации. Поэтому, как представляется, адаптационный аспект идентификации заслуживает в современных условиях более тщательного изучения.

В данной статье предлагается следующее *определение самоидентификации*: самоидентификация профессиональной группы в конкретных условиях современного общества есть одновременно процесс и результат самоотождествления членов группы с профессиональной группой в целом, что выражается в готовности следования определённым групповым нормам поведения; признании наличия единой эталонной системы ценностей; осознанию специфических социальных интересов группы; появлению доминирующих представлений о роли группы в жизни общества и соответствующих им групповых притязаний; понимании вступления в состав профессиональной группы и выхода из неё как важнейших жизненных событий.

В общей комплексной и многофакторной проблеме самоидентификации профессиональной группы российских врачей можно выделить следующие основные аспекты: личностно-институциональный, личностно-типологический, социогенетический, психосоциальный. Каждый из перечисленных аспектов характеризует определённую комплексную сущностную сторону самоидентификации профессиональной группы российских врачей:

- личностно-институциональный — характеризует готовность врачей к выполнению в конкретных социальных, социокультурных, производственно-организационных условиях обобщённой социальной функции (роли), приписываемой обществом данной профессиональной группе;
- личностно-типологический — характеризует наличие определённой групповой системы ценностей, доминирующих групповых оценок реального и желаемого статуса группы, групповых мнений о кардинальных вопросах развития группы, стереотипов поведения и т. д.;
- социогенетический — характеризует готовность врачей к преодолению определённых трудностей и временного внутреннего дискомфорта как условий дальнейшего пребывания в составе профессиональной группы, стремление к преемственности поколений

внутри группы, привлечению в состав группы новых перспективных членов и т. д.;

- психосоциальный — характеризует в первую очередь степень увязки врачами своих жизненных перспектив с сохранением пребывания в социально-профессиональной группе, удовлетворённость существующими механизмами внутригрупповой мобильности, психологический климат внутригрупповых отношений и т. д.

Результаты анализа современного состояния социологической теории профессиональных групп позволяют прийти к выводу о том, что «необходимым» условием, определяющим актуальность самостоятельного социологического изучения конкретной профессиональной группы, является степень её близости к категории реальных социальных общностей, определяемая удовлетворением следующим критериям:

1) соответствующая профессиональная деятельность должна обладать большой социальной значимостью, располагать критериями оценки её эффективности, способными отделить её от других видов деятельности, являться объектом пристального общественного интереса;

2) соответствующая профессиональная деятельность должна быть достаточно автономной (т. е. сопряжённой в первую очередь с самостоятельным принятием решений), творческой и длительной, иными словами, не являться некоторым периодически повторяющимся эпизодом в общей трудовой деятельности члена профессиональной группы;

3) осуществление данной деятельности должно обеспечиваться получением длительного специального образования, подкрепляемого постепенно приобретаемым в её ходе опытом;

4) характер деятельности должен стимулировать формирование норм профессиональной этики, а также иных характеристик внутреннего мира представителя группы, отличающих его от не входящих в группу людей;

5) данная деятельность порождает необходимость поддержания интеллектуальных контактов с другими членами группы, ознакомлению с их опытом и созданными ими новыми знаниями, способствует возникновению профессиональных объединений, обладающих существенным влиянием на членов профессиональной группы;

6) социально значимые аспекты выполнения предшествующих положений должны быть закреплены нормами права, обычаями, традициями;

7) профессия должна быть реально представлена на рынке труда, быть достаточно распространённой;

8) внутри группы должны развиваться идентификационные процессы.

Эти положения определяют авторский подход к исследованию профессиональной группы врачей в структуре современного российского общества.

Методы

Социальная практика свидетельствует о динамичности самоидентификации, вызванной влиянием на профессиональную группу факторов внешней социальной среды, изменениями в мировоззрении, психоэмоциональной сфере личности и т. п. Многие феномены духовной жизни, определяющие самоидентификацию, — например, система ценностей, — недоступны прямому наблюдению и измерению. М. Сакс также полагает, что трудно или даже практически невозможно концептуализировать и изучить возможные изменения в профессиональном поведении. Данные обстоятельства обуславливают особую необходимость в адекватном выборе системы индикаторов (т. е. доступных адекватному наблюдению и измерению характеристик и признаков изучаемого объекта), обеспечивающей связь концептуального аппарата исследования с его инструментарием.

С учётом общесоциологических требований и критериев к проведению операционализации понятий²⁶ предлагается авторская система основных индикаторов самоидентификации профессиональной группы российских врачей (см. таблицу).

Целью автора было предоставление свежей перспективы и исследование феномена самоидентификации современных российских врачей. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы:

1) контент-анализ профессиональной прессы, а именно «Медицинской газеты»;

2) «кейс-стади»;

3) полужурналистские интервью.

Данные были получены в ходе 45-минутных полужурналистских индивидуальных интервью с врачами из московских государственных и частных клиник, что дало им возможность «выговориться» и максимально развить свои мысли. В результате были проинтервьюированы 23 врача, в числе которых 11 мужчин и 12 жен-

**Обобщённые результаты операционализации
понятия «самоидентификация»**

Структурные элементы	Основные индикаторы	Основные методы измерения
Личностно-институциональный	Удовлетворённость врачебным трудом; отношение к реформам в области здравоохранения; удовлетворение квалификационным требованиям; повышение квалификации; мнения об основных проблемах развития здравоохранения (социально-профессиональной группы); участие в профессиональных объединениях	Опрос, анализ документов
Личностно-типологический	Ценностные предпочтения; способность к эмпатии по отношению к пациентам; ведение здорового образа жизни	Опрос, наблюдение
Социогенетический	Готовность к новациям (рisku при изменении профессии); участие в межпрофессиональных миграциях; способы дополнительного заработка; наследование профессии	Опрос, анализ документов
Психо-социальный	Характер внутригрупповых межличностных отношений; оценка перспектив профессионального роста внутри группы; выраженность группового пафоса	Опрос, наблюдение, анализ документов

щин.²⁷ 12 респондентов работают в двух частных и 11 — в трёх государственных клиниках Западного округа Москвы. Эти 23 респондента довольно сильно различаются между собой. Например, стаж работы врачом варьировался от 5 до 20 лет с опытом работы от 2 до 20 лет именно в данной специальности. Респонденты занимали эту должность от нескольких месяцев до более чем 10-ти лет. Все 23 респондента обладают огромным опытом работы в медицине, включая фармакологию, гинекологию, остеопатию, стоматологию и др., половина респондентов занимала или занимает позицию руководителя в своей области. Все опрошенные врачи имеют высшее образование, некоторые из них являются кандидатами и докторами наук.

Большинство респондентов проходили или проходят обучение на курсах повышения квалификации.

Во время интервью задавались следующие основные вопросы:

«1. Почему Вы выбрали профессию врача? Есть ли среди Ваших родственников врачи?»;

«2. Что Вы знаете о работе профессиональных медицинских ассоциаций? Являетесь ли Вы членом профессиональной ассоциации?»;

«4. Пожалуйста, расскажите о своих взаимоотношениях с коллегами. Идентифицируете ли Вы себя с медицинскими профессиональными ассоциациями и со своими коллегами? Обсуждаете ли Вы со своими коллегами проблемы на работе? Существует ли у вас товарищеский суд и что Вы думаете о врачебных ошибках?»;

«5. Пожалуйста, расскажите о взаимоотношениях «врач — пациент»;

«6. Пожалуйста, расскажите о Вашей системе ценностей».

Другие вопросы касались демографического профиля респондентов и были связаны с основными проблемами в российском здравоохранении, которые были определены в ходе контент-анализа 200 номеров «Медицинской газеты» за 1998 — 2000 гг.²⁸ Результаты контент-анализа указанной газеты дают представление о тех тяжёлых условиях, в которых оказалось современное российское здравоохранение, и о том социальном контексте, в рамках которого врачи вынуждены работать и постоянно конструировать и реконструировать свою самоидентификацию:

1) ухудшение объективных показателей состояния здоровья населения;

2) недостаточность финансовых ресурсов здравоохранения;

3) разрушение общегосударственной вертикали управления отраслью;

4) ухудшение снабжения большинства лечебных учреждений лекарствами и медицинской техникой;

5) существенное ухудшение профилактики заболеваний;

6) массовый переход медицинских работников в формирующийся в ходе общих социально-экономических реформ слой «новых бедных» и т. д.

Результаты

В ходе исследования самоидентификации врачей было выделено восемь тем, которые помогают сконструировать образ российского медика:

1. Респонденты выявили и проранжировали различные ценности в системе ценностей и интересов. Наиболее значимыми оказались семья и дети, а также работа в качестве доктора в медицинской сфере;

2. Важность саморазвития как ценности, новых путей карьерного роста и возможности быть активным и успешным человеком также были отмечены респондентами;

3. Недостаточное доверие к профессиональным ассоциациям было обсуждено во время интервью, и восприятие респондентами данных ассоциаций было проанализировано;

4. Респонденты обсудили тему взаимоотношений с коллегами и рассказали об общении с коллегами из государственных и частных клиник;

5. Основное внимание было уделено теме профессиональной идентификации в целом и индивидуальной профессиональной самоидентификации врачей в частности;

6. Трудности, связанные с приватизацией и изменяющимися социально-экономическими условиями в России, также были обсуждены, и тема обучения и курсов повышения квалификации была поднята респондентами;

7. Респонденты отметили недостаточность поддержки системы здравоохранения со стороны государства и обсудили проблемы в данной области;

8. В итоге, респонденты отметили тему врачебных ошибок и взаимоотношений «врач — пациент» как одну из наиболее болезненных тем.

В результате социологического исследования самоидентификации врачей, работающих в государственных и частных клиниках Москвы, автор констатирует, что основным дифференцирующим признаком, обусловившим разделение выборки на две подгруппы с заметно различающимися в ряде случаев мнениями и оценками, являлась форма собственности на лечебное учреждение — место работы респондента. Данное обстоятельство, по мнению автора, во-первых, подтверждает справедливость распространения на социально-профессиональную группу российских врачей положения о доминирующей для внутригрупповой стратификации роли уровня доходов (несмотря на отсутствие общепризнанных оценок, разрыв в доходах в 2-3 раза представляется достаточно вероятным); во-вторых, по-видимому, это обстоятельство связано с особенностями труда врачей в частных медучреждениях (специфический правовой статус, преимущественно малые предприятия, достаточно узкий профиль услуг). В госучреждениях врачи, финансирование работы которых зависит от жёстких, законодательно закреплённых бюджетных ме-

ханизмов, испытывают естественный интерес к их состоянию, чувствуя себя членами единого коллектива, подчиняющегося навязываемым ему извне «правилам игры». В частных учреждениях врачи, доходы и условия труда которых определяются индивидуальными контрактами, молчаливо рассматривают налоги и иные финансовые вопросы как сферу исключительной компетенции собственников (менеджеров), отслеживая соблюдение условий собственного контракта. Неразрешимые проблемы в системе современного здравоохранения привели к процессу дестабилизации эмоционального климата российских врачей. Таким образом, дилемма «служение людям» и улучшение своего материального благосостояния становится практически главной причиной внутреннего конфликта внутри профессиональной группы.

Следует отметить, что мнение врачебного сообщества об относительной важности отдельных проблем развития отрасли достаточно едино (существуют проблемы-«фавориты», отсутствуют полярные противоположности в оценке важности ряда проблем). Проблемы, названные в качестве приоритетных, сводятся к низкому уровню доходов российских врачей, недостаточному финансированию здравоохранения, ограниченности платёжеспособного спроса на медицинскую помощь и т. п. Тем не менее заметно различаются оценки приоритетности помощи государства. Именно работники госучреждений настроены в этом отношении гораздо более скептически. По мнению автора, данное обстоятельство объясняется, во-первых, наметившимся расхождением в «психологическом багаже» взаимоотношений с государством работников медучреждений различных форм собственности (госучреждения фактически полностью зависят от бюджетного финансирования, а врачи из частных медицинских учреждений сталкиваются с государством лишь в сферах налогообложения, аренды, лицензирования и др.), и, во-вторых, частным медучреждениям попросту меньше нужно от государства (что в определённой степени связано с ранее отмеченным отличием между учреждениями различных форм собственности). Однако и выявленный факт первенства государственной помощи среди мер улучшения ситуации в российском здравоохранении является весьма симптоматичным.

Центральное место в эмпирическом исследовании самоидентификации социально-профессиональной группы, несомненно, принадлежит изучению системы групповых ценностей. Однако ценности как устойчивые представления о значимых вещах, состояниях и проективных целях не проявляются непосредственно,

формируясь как определённые личностные и групповые предпочтения, ценностные ориентации в результате самостоятельного оценивания жизненных событий или культурной традиции (передачи нормативных образцов и утвердившихся в обществе «значимостей».²⁹ Влияние отдельных ценностей на поведение личности существенно зависит от места данной ценности в общей иерархии, её характера (инструментальная, терминальная и т. п.), национально-культурных традиций, социальной ситуации в стране и пр. Иными словами, практическое воплощение ценностной системы в конкретных поведенческих актах неоднозначно, подвержено влиянию различных ситуационных факторов и изобилует кажущимися парадоксами. Специфическим фактором, дополнительно осложняющим исследовательскую ситуацию, является в настоящее время и «ценностный разлом», связанный с качественными социальными трансформациями и переживаемый большинством россиян.³⁰ Приведённые авторские результаты позволяют прийти к следующим выводам:

- в ценностной системе российских врачей существует определённая иерархия, характеризующая распространённость конкретных ценностей (ценностных ориентаций);
- в соответствии с полученными эмпирическими данными к числу доминирующих ценностей принадлежат семья, здоровье и дети, а также новые возможности в саморазвитии и работа;
- система ценностей российских врачей гармонично сочетает как общественно значимые антидеструктивные ценности (семья, дети и т. д.), так и индивидуализированные (новые возможности в саморазвитии и др.). Тем не менее были выявлены значительные расхождения между мужчинами-респондентами и женщинами-респондентами в выражении значимости семейных ценностей.

Все респонденты отметили, что работа является одним из наиболее важных аспектов в их жизни, так же высоко российские врачи оценили общение с коллегами и их помощь в сложных ситуациях. Ряд отечественных исследователей считает доминирующим элементом ценностной системы врачей наличие самостоятельной творческой работы, предоставляющей возможность профессионального совершенствования.³¹ Можно предположить, что отношение врачей к роли труда в их жизни является существенно более «одухотворённым», чем у среднестатистического россиянина.

Результаты исследования показывают, что в основном российские врачи идентифицируют себя с представителями своей медицинской специальности. Респонденты заинтересованы в поддержании хороших отношений с пациентами, поэтому отметили, что проблема

врачебных ошибок является наиболее болезненной, что требует срочных корректив в законодательстве по данному вопросу. Таким образом, данная лояльность к профессии среди российских врачей может быть представлена как устойчивая профессиональная самоидентификация. Результаты исследования показывают, что российские врачи имеют сильную мотивацию для сохранения профессии. Однако были отмечены существенные различия в конструировании профессиональной самоидентификации между врачами, работающими в разных секторах здравоохранения. Врачи в России обладают гораздо меньшей политической властью, чем их коллеги на Западе, можно сказать, что монополия их профессиональной власти ещё не институализирована. Российские врачи не доверяют правительству и профессиональным ассоциациям и подчёркивают, что у многих из них есть проблемы в общении с коллегами и пациентами. Подавляющее большинство врачей получают крайне низкую зарплату и обладают невысоким статусом.

Основным фактором напряжённости во врачебном сообществе, несомненно, можно считать негативные явления в трудовой сфере, главное содержание которых, с точки зрения рассматриваемой нами проблемы, заключается в том, что «происходящий процесс отчуждения труда обрёл огромные масштабы, человек перестал гордиться своей профессией, испытывать должное удовлетворение от результатов труда, всё меньше и меньше проявлял себя в труде как творческая личность. Работник всё больше убеждался, что он не может практически никоим образом повлиять на процесс труда: его объект и качество, вознаграждение за труд становились силами, неподотчётными и неподвластными ему»³². Нравственные аспекты выбора профессии вытесняются в большинстве случаев утилитарными интересами.

Явное падение престижа своей профессии в современной России, без сомнения, особенно болезненно переживается врачебным сообществом на фоне стабильно высокого престижа и уровня жизни западных коллег. Как показывают результаты исследований, проводимых с 1947 г. Национальным центром изучения общественного мнения в экономически благополучных США, среди 90 типовых профессий (видов занятий) наивысшим престижем постоянно пользуются юрист, врач, учёный, банкир, лётчик и инженер, при всех изменениях общественного мнения остающиеся в верхней части шкалы оценок, причём замыкает первую десятку в этом списке обычно министр.³³

Таким образом, становится закономерным вопрос «Почему российские врачи всё ещё остаются в профессии?». Социальное окружение профессионалов крайне важно, а в настоящее время оно

неразрывно связано с различными видами рисков, о чём уже упоминалось выше. В свою очередь, различные виды рисков влекут за собой новые виды доверия и как следствие новые формы идентичности и самоидентичности. Реальные поведенческие предпочтения российских врачей свидетельствуют о сохранении ими высокого уровня самоидентификации: в нынешний сложный период они ищут пути решения проблемы доходов преимущественно в рамках отрасли, сохраняя свою профессиональную принадлежность именно вследствие сильной профессиональной самоидентификации.

Немаловажную позитивную роль играет также такой вновь выявленный отечественными исследователями феномен, как пафос, несомненно, отражающий одну из сторон адаптивного характера самоидентификации профессиональной группы в условиях риска. Согласно результатам социологических исследований³⁴, врачебное сообщество демонстрирует значительный потенциал к совершенствованию, рассчитывая лишь на свои силы и сохраняя позитивную самоидентичность, во многом благодаря распространению группового пафоса, представляющего собой «узкоспециализированное социальное настроение, культивируемое в неблагоприятных для группы социально-экономических условиях, призванное выполнить роль недоступного престижа, т. е. придать онтологический смысл ...деятельности группы, и основывающееся на ...профессиональной идентичности, сочетаемой с исповедованием необходимого мученичества за правое дело».

Рецензент — О.В.ЮРЧЕНКО, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

¹ Сторер Н. Социальная система науки. — М.: Наука, 1966.

² Manning N., Shkaratan O.I., Tikhonova N. Work and Welfare in the new Russia. — Ashgate, Aldershot, Burlington USA, Singapore, Sydney, 2000.

³ Yurchenko O.V. A Sociological Analysis of Professionalisation of Orthodox and Alternative Medicine in Russia / Ph. D. Thesis. — De Montfort University, 2004.

⁴ От англ. «trait» — характеристика, черта.

⁵ Dingwall R. and Lewis P. (eds.). The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others. — London: Macmillan, 1983. — P. 12.

⁶ Weber M. The Methodology of Social Sciences, in Shils E. and Finch H.A. (eds.) Max Weber on the Methodology of Social Sciences. — Glencoe IL: Free Press, 1949.

⁷ Carr-Saunders A.M. and Wilson P.A. The Professions, reprinted by Frank Cass, 1933. — P. 497.

⁸ Millerson G. The Qualifying Associations. — London: Routledge and Kegan Paul, 1964. — P. 5.

⁹ Pavalko R. M. Sociology of Occupations and Professions. — Illinois: F.E. Peacock, 1972. — P. 80.

¹⁰ Saks M. The Wheel Turns? // Professionalisation and Alternative Medicine in Britain. — Journal of Interprofessional Care. — 1999. — № 13 (2). — P. 129 — 138.

¹¹ Фромм Э. Ситуация человека — ключ к гуманистическому психоанализу // Проблема человека в западной философии. — М., 1988; Фрейд З. Введение в психоанализ. — М.: Наука, 1989 и др.

¹² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 1996.

¹³ Turner R. H. Collective behaviour, 2-nd ed., Englewood Cliffs; (Hemel Hempstead): Prentice-Hall, 1972.

¹⁴ Mead G.H. Mind, Self and Society. — Chicago, 1934; Cooley Ch. H. Human Nature and Social Order (1922). — N.Y., 1964.

¹⁵ Giddens A. Modernity and Self-Identity. — Stanford, 1991.

¹⁶ Турен А. Возвращение человека действующего. — М., 1998; Beck U. Risk Society Towards a New Modernity. — London: Newbury Park, New Delhi, Sage Publications, 1992; Weaks J. Inventing Moralities: Sexual Values in an Age of Uncertainty. — Cambridge: Polity Press, 1995; Allsop J., Mulcahy L. Deconstructing and Reconstructing Professional Identity, paper represented in Professions, Identity and Order in Comparative Perspective // Onati Papers, 1998.

¹⁷ Everts J. Professional Identity, Diversity and Segmentation: the Case of Engineering; paper represented in Professions, Identity and Order in Comparative Perspective // Onati Papers, 1998; Saks M. The Wheel Turns? // Professionalisation and Alternative Medicine in Britain / Journal of Interprofessional Care. — 1999. — N 13 (2). — P. 129 — 138; Saks M. Professions, Markets and Public Responsibility, in Dent M., O'Neil and Bagley C. Professions, New Public Management and the European Welfare State. — Stafford: Staffordshire University Press, 1999; Saks M., Williams M. and Hancock B. (eds.). Developing Research in Primary Care. — Radcliffe Medical Press: Abingdon, Oxon, 2000. — P. 53.

¹⁸ Кон И.С. Социология личности. — М.: Политиздат, 1967; Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. — М.: Феникс, 1994; Культыгин В.П. Классическая социология. — М.: Наука, 2000 и др.

¹⁹ Freud S. The Interpretations of Dreams, trans. by Strachey J. — London: Allen and Unwin, 1954.

²⁰ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 1996.

²¹ Mead G.H. Mind, Self and Society. — Chicago, 1934; Cooley Ch. H. Human Nature and Social Order (1922). — N.Y., 1964.

²² Cohen A. Belonging: Identity and Social Organization in British Rural Cultures / ed. — Manchester: University Press, 1982.

²³ Turner Ralph H. *Collective behaviour*, 2-nd ed., Englewood Cliffs; (Hemel Hempstead): Prentice-Hall, 1972.

²⁴ Abbott A. *The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour*. — Chicago: University of Chicago Press, 1988; Johnson T. *Professions and Power*. — London and Basingstoke: The Macmillan Press, 1972; Feldson E. *Professionalism Reborn: Theory, Prophecy and Policy*. — Chicago: University of Chicago Press, 1994.

²⁵ Evetts J. *Professional Identity, Diversity and Segmentation: the Case of Engineering*; paper represented in *Professions, Identity and Order in Comparative Perspective // Onati Papers*, 1998.

²⁶ Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований // Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. — М.: Аспект Пресс, 1995; Цыба В.Т. Концептуальное обоснование операционализации и измерение // Социологические исследования. — 1984. — № 2; Кабыща А.В. Некоторые методологические вопросы операционализации понятий в социологии // Вопросы философии. — 1987. — № 2; Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы. — Самара: Самарский ун-т, 1995 и др.

²⁷ Число участников — 23 респондента — было определено как достаточное в связи с тем, что был выбран качественный метод исследования.

²⁸ «Медицинская газета» — старейшее специализированное издание в России, выпускается с 1893 г., каждый год издаётся 104 номера.

²⁹ Бондаренко О.В. *Ценностный мир россиян*. — Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1998 и др.

³⁰ Лапин Н.И. и др. *Динамика ценностей населения реформируемой России*. — М.: Наука, 1996; Лапин Н.И. *Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования*. — 1997. — № 3; Горшков М.К. *Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ)*. — М.: РОССПЭН, 2000 и др.

³¹ Сибурна Т.А. и др. *Современная российская медицина как источник многоуровневой конфликтной ситуации // Социальные конфликты*. Вып. 15. — М.: ИС РАН, 1999.

³² Тощенко Ж.Т. *Парадоксальный человек*. — М.: Гардарики, 2001. — С. 248 — 249.

³³ Кравченко А.И. *Социология менеджмента*. — М.: Юнити, 1999. — С. 278.

³⁴ Кармадонов О.А. «Пафос» и «престиж» как категории социологического анализа // *Социология и общество / Тезисы 1-го Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи»*. — СПб.: Скифия, 2000. — С. 27 — 29.

О духовно-сакральных аспектах творческих поисков и стилевой эволюции в живописи второй трети XIX века

С.С. СТЕПАНОВА

В современной науке всё активнее поднимается вопрос о необходимости (и плодотворности) исследования искусства как сферы выражения духовной жизни субъекта и социума¹, что позволяет представить принятые в искусствоведении стилевые разграничения в новом ракурсе. Антиномия «классицизм — романтизм» на русской почве имела очень сглаженный характер именно потому, что подспудно, в глубине обе художественные системы базировались на родственной этико-идеалистической основе. С одной стороны, проникновению в Россию идей и принципов эстетики романтизма в немалой степени способствовала её ориентированность на «внеземные духовные идеалы». С другой стороны, романтическая духовность оказывалась для людей культуры формой замещения отчасти позабытой, вернее, утратившей остроту, христианской религиозности. Анализируя романтические явления в сфере живописного искусства, исследователи констатируют новое отношение к объекту творчества, новое понимание композиционных и колористических задач, часто обусловленных личной творческой целью художника. Так, портретные образы, созданные Орестом Кипренским уже в 1800-е — 1810-е гг., содержат в себе тот комплекс художественных особенностей, которые являются признаками романтической портретной концепции. Это внутренняя содержательность портретируемой личности, незаурядность или сложность её психофизических свойств, «пограничное» состояние героя (как в эмоциональном плане, так и в композиционно-цветовом решении), его пребывание «на грани» покоя и действия, юности и зрелости и т. д. Портретное творчество, к которому обратился художник, строилось на поиске собственных решений, а не проистекало из традиции академических наставников Кипренского по классу исторической живописи — Г.И. Угрюмова и Г.Ф. Дуайена. Образы, созданные художником в период до и после 1812 г., роднит некое внутреннее свечение, состояние чем-то потревоженной или пробудившейся души. И в этом сказался дух самой эпохи, жившей в напряжённой атмосфере грозных событий наполеоновских войн. В основе портретного романтизма Кипренского — восприимчивость художника к настроениям времени, охваченного героическими порывами и предчувствиями исторических событий, к индивидуальным проявлениям аналогичных

чувств и близких каждому этических ценностей: отваги, прямоты, открытости, дружелюбности.

Отличительные качества романтического произведения: новизна сюжета и свобода композиционных приёмов, эмоциональная напряжённость, внутренняя значимость и одухотворённость образа и т. д. — свидетельствуют об отношении художника к миру (в том числе к миру человека) как к открытию и драме. То есть об отношении, основанном на стремлении художника к постижению мира и осознании невозможности раскрыть его тайну до конца. Для романтического восприятия характерны поиски «изначального», сокровенно-естественного. Тем самым романтизм (в качестве метода) предстаёт одним из способов постижения сакральной сущности мира как беспредельной и непостижимой духовной материи. В то же время классическая система, с её канонами мер и пропорций, иерархией «высокого и низкого», фиксирует и, собственно, сакрализует (освящает) параметры пластической гармонии — этой существенной составляющей божественно сотворённого и организованного мира. Поэтому стремление к глубине понимания духовной природы мира и вместе с тем потребность в его гармонизации порождали художественный сплав романтической сложности (многозначности) содержания и классической упорядоченности формы. Но академизм (в особенности то, что стало называться «салонным академизмом») выхолащивает сакральную основу стиля, формализуя те параметры и признаки, которые этой основой были обусловлены и наполнялись живым духом идей просветительской эпохи и художественных идеалов раннего этапа классицизма.

Показательна творческая неудача К.П. Брюллова с созданием картины «Осада Пскова» (1841, ГТГ), так и оставшейся незавершённой. Эта ситуация выявила не просто ложность композиционно-живописного решения, основанного на театрализованном подходе к сюжету, но и отсутствие в самом творческом мышлении автора чуткости к сакральным глубинам изображаемого исторического события, к духовной природе подвига псковичей XVI в. Яркий талант и темперамент переполняли художника, ища форму, в которую могли бы вылиться, но, не успев развиться и окрепнуть, новый замысел, новая идея уступала очередному всплеску фантазии. «Как я завидую тем великим живописцам, которые трудились постоянно, как будто бы никогда не оставляя их вдохновение <...> я не могу так работать: для меня скучен процесс писания красками»², — признавался Брюллов. Подавляющее своим количеством число неоконченных (именно брошенных, не завершённых) работ — печальное свидетельство внутреннего кризиса этой незаурядной творческой личности. Судя

по целому ряду высказываний, Брюллов отнюдь не испытывал довольства собой и собственной жизнью. Суэта петербургского света тяготила художника. Одним из немногих домов, где Брюллов чувствовал себя по-семейному просто и по-человечески легко, был дом А.Г. Венецианова. «Брюллов часто бывал у него, — вспоминала дочь художника, — приходил как вздумается, иногда во время обеда или часу в двенадцатом вечера и говорил всегда, что приходит к Венецианову отдыхать и очищаться после оргий у Яненко и Кукольника. В такое время Брюллов был неподражаем, начинал рассказывать о своей заграничной жизни, мечтал о будущей, возносился в небеса, уверял, что одно его желание есть то, чтобы кончить дни у Гроба Господня, приводил всех в восторг своим разговором и однажды, уходя, сказал Венецианову: «У вас сегодня был небесный вечер»³. В архиве художника есть письмо, написанное ему весной 1847 г. (в период тяжёлой болезни Брюллова) архимандритом Игнатием (Брянчаниновым). Оно потрясает глубиной доверия, и душевной исповедальной откровенностью перед адресатом. «Душа Ваша представлялась мне одиноко странствующею в мире»⁴, — писал светскому художнику, баловню общества один из наиболее авторитетных духовных владык того времени. В лице о. Игнатия Карл Брюллов впервые столкнулся с христианским пастырем, способным без менторства затрагивать вопросы веры и духовной жизни, побуждая собеседника глубоко задуматься над собственным духовным состоянием и искать путей и способов его исправления. С отцом Игнатием художник, очевидно, сблизился в период работы для Троице-Сергиевой пустыни в 1839 — 1840 гг.⁵ Архимандрит принадлежал к тем духовным пастырям, которые способствовали сохранению (и восстановлению) хрупких связей между русским образованным обществом и Православной церковью. Аскет-пустынник в душе, он мог быть светски учтивым и общительным. По словам биографа о. Игнатия, игумена Марка (Лозинского), его отличали «духовная рассудительность», «глубокое и правильное понимание современной ему жизни». Круг знакомых о. Игнатия был обширен, его имя знали во всех слоях общества, со многими он переписывался.

Другой представитель православной культурной идеологии, современник Карла Брюллова и Александра Иванова — архимандрит Феодор (Бухарев)⁶ — в своих статьях, посвящённых русской литературе, попытался преодолеть узкоцерковный ригоризм, исходя из осмысления современной ему культуры и мирского искусства как сферы, пронизанной «светом Христовым», согретой «скрытой теплотой» Церкви. Для о. Феодора идея секулярности культуры представлялась надуманной. По его убеждению, любая творческая дея-

тельность есть действие божественной благодати независимо от её внешней формы и отсутствия прямых указаний на церковность или религиозность. Задача искусства Нового времени, по мысли Бухарева, заключается в том, чтобы художник своим так называемым «творческим дарованием» сколько-нибудь ощутил «силу и державу любви Отца» и отобразил это чувство в своём творении (хотя бы и совсем бессознательно — как солнце отражается в капельке воды). Причём это относится к художнику вообще, даже неверующему или язычнику, поскольку в самой природе человека творческие силы в своём существе составляют «отсвет того же Бога Слова, в Котором существенно и вечно открыта вся любовь Отчая»⁷.

Следует заметить, что интерес к духовным аспектам творчества художников и, в частности, Карла Брюллова в настоящее время проявляется в далеко не адекватных попытках соотнести искусство с эзотерической традицией и масонскими морально-религиозными аллегориями.⁸ Брюллов принадлежал к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию.⁹ Не берёмся судить о глубине и характере протестантских воззрений К.П.Брюллова — это отдельная и совершенно не затронутая тема. Отметим лишь, что отрицание спасительной роли Церкви и посреднической миссии священства в силу лютеранского учения о непосредственной связи человека с Богом могло способствовать усилению индивидуализма, с одной стороны, и формальному отношению к церковному искусству — с другой. Как отметил современник, увидев своё «Распятие» в тёмном алтаре лютеранской церкви Петра и Павла, Карл Брюллов долго сидел молча и только изредка приговаривал: «Вандал! Ни одного луча свету на алтарь. И для чего им картины?»¹⁰. При создании сакральных образов религиозная мысль Брюллова, не укоренённая глубоко ни в одной из конфессиональных традиций, находила привычные академические или смутные, сентиментально-чувствительные формы. Так, драматизм евангельского события в «Распятии» (1838, ГРМ) художник воплощает языком эмоциональной экспрессии и душевного экстаза персонажей. Композиция «Святая царица Александра, возносящаяся на небо» (1845) строится на совмещении портретности, живописного натурализма и отвлечённой идеальности образа (полотно было посвящено памяти скончавшейся дочери Николая I, великой кн. Александры Николаевны). И это работы, удовлетворявшие самого Брюллова. За «католическую ересь» Церковь осуждала его композицию «Ангел молитвы» (1849). В 1840-е годы Брюллова занимает тема бренности бытия, но решает художник её всё теми же средствами сентиментального аллегоризма («Всё разрушающее время», «Диана, несомая на крыльях Ночи»). Однако, не оценивая и не сравнивая художественные результаты, заметим, что развитие художественного со-

знания «вглубь» бывает труднее, чем путь к вершинам технического мастерства. Знаменитый «Автопортрет» 1848 г., созданный в период болезни, стал попыткой обнажить духовные (сакральные) глубины человеческого существа (или хотя бы прикоснуться к ним). Изысканно-утомлённая поза и жест руки, напоминающий Ван Дейка или Рубенса, есть лишь позаимствованная форма для воплощения глубоко личного порыва — открыть в себе то, что сокрыто под суетностью и мишурой внешней жизни. Это не демонстрация внешнего «аполлонизма», при-сущего облику Брюллова, а поиск красоты «внутреннего человека», наделённого духовным прозрением, страдающего, но не сломленного. Созданный «из глубины душевных сил» (по замечанию А.Н.Струговщикова) автопортрет стал образом того Карла Брюллова, которого мир не успел узнать. Художник явил себя в нём таким, каким ему хотелось бы быть: подобно Микеланджело или Рембрандту, через муки и тернии своей жизни обретающим новую силу вдохновения и творческую мощь. Незавершённость полотна впервые у Брюллова обернулась художественным качеством — экспрессия нервных, обнажённых мазков передаёт сложное душевное состояние модели. Художник фиксирует не столько образ человека во времени, сколько время в человеке, его неутомимый бег, его поток, над которым не властна человеческая жизнь. Думается, что общение Брюллова с о. Игнатием, сколь эпизодическим бы оно ни было, сыграло свою роль в появлении этого образа. Посылая в январе 1850 г. Карлу Брюллову весточку в связи с именинами, его брат Александр пишет: «...поздравляю тебя и посылаю тебе все желания блага, какие только могут родиться в твоей философской голове, постигающей чего искать желать и что бrenно»¹¹ (курсив мой. — С.С.).

«Мирный предмет мой станет выше изображения пожара и язвы», — заявлял Александр Иванов, сознательно противопоставляя идею картины «Явление Христа народу (Явление Мессии)» двум другим грандиозным замыслам его современников — полотнам «Последний день Помпеи» Карла Брюллова и «Медный змий» Фёдора Бруни. В сюжете, соединяющем два момента — проповедь Иоанна Крестителя и Явление Христа, художник увидел возможность раскрыть многозначность евангельского события, свершающегося на пороге новой истории человечества. Обладавший склонностью к рациональному мышлению, Иванов стремился реализовать тему в соответствии с «современным прочтением» Евангелия. Но при этом пришедшую ему мысль написать картину на тему, никем прежде не осуществлённую, художник воспримет как дар Божий: «Думаю что он (сюжет картины. — С.С.) послан мне Провидением, чтоб восставить меня из моего грустного положения»¹². Иванов готов был видеть в этом «глас свыше», а в осуществлении задуманного — соб-

ственный долг перед отечественным искусством. «Я хотел моих любезных соотечественников Русских помирить между собою сюжетом своим, первым сюжетом в свете! Которой мне ниспослан самим Богом — по крайней мере, я так верю. Я припоминаю, что в 1833 году от Рождества Христова ждали все какого-нибудь необыкновенного Явления, и утверждаюсь мыслью, что сюжет, составляющий сущность Евангелия, мне послан Богом!!»¹³. То есть Иванов откровенно соотносит ожидаемое историческое событие со своим замыслом. Хотя действительно, в ноябре 1833 г. произошло уникальное явление, которое назвали «Звездопад 1833 года»¹⁴. В 1833 г. центральной фигурой в русской культуре становится Пушкин (к этому времени он издаёт отдельной книгой поэму «Евгений Онегин» и пишет «Медного всадника»). В начале того года преставился провидец и чудотворец Руси, духовный преемник Сергия Радонежского Серафим Саровский, чьё посмертное бытие будет неотделимо от драматической судьбы России. Идеей примирения соотечественников сюжетом своей картины Иванов удивительным образом перекликается с мыслью Сергия Радонежского (в память которого была написана «Троица» Андрея Рублева) о том, чтобы «смотрением на Святую Троицу» усмирялась «ненавистная рознь мира сего». Таким образом, в Иванове мы видим человека, ощутившего свою призванность извне, из сферы Духа, но понимающего, что без возрастания в «духе и разуме» невозможно осуществление предназначенного ему пути. Жизнь Иванова — не жизнь благочестивого и духовно крепкого человека. Это жизнь в преодолении своей слабой и греховной природы, ради обретения творчески продуктивного состояния духа: «Истинно нравственный и тем более образованный человек находится всегда в борящемся положении. Начало доброго в нём преобладающи, но <...> злое начало тоже всегда с ним пребывает»¹⁵. Движимый рано сформировавшейся мыслью о собственном избранничестве, но сознавая слабость и ограниченность своих духовных сил, Иванов нуждался в сакрально наполненном пространстве творчества на пути к тому «внутреннему богосознанию», без которого начатый труд оборачивался лукавством и ложью. Обретя сюжет для главной картины, мыслимый как «первый сюжет в мире», как «сущность всего Евангелия», художник поставил перед собой непомерную задачу. Её разрешение повернуло жизненный путь Иванова из горизонтальной временной плоскости в вертикальную, в путь познания глубин и высот как профессионального мастерства, так и сакральной сущности мира. Внеличностный характер целей интеллектуального возрастания, духовного развития и профессионального роста определялся прежде всего идейным замыслом картины «Явление Мессии», которая должна была

стать вневременным посланием художника миру и открывать перед зрителем духовный смысл изображённой сцены, как икона — сакральный первообраз. Процесс реализации этого замысла шёл от «сюжета всемирного», другими словами, католического — принадлежащего всем, охватывающего всех, к «соборному» — единому во множестве — предстоянию народа перед Явлением Спасителя.¹⁶

Если Гоголь в повести «Портрет» очертил как возможные лишь два пути для художника — служение монастырскому, церковному искусству или погружение в сугубо светскую жизнь, то Иванов, оставаясь светским художником, сохранял сакральную основу своего творчества как подвижничества и служения высоким целям христианского идеала. Осознав, что первейшее условие решения задач — это созидание Творца в себе, т.е. художника, способного к решениям и ответам на запросы современности, Иванов все последующие годы вершил эту созидательную работу, преодолевая, преобразуя неплодотворные обстоятельства жизни и свойства собственной природы в творчески продуктивное состояние духа. «Не будь этих <...> внутренних терзаний душевных, которые силою заставили его обратиться жарче других к Богу и дали ему способность к нему прибегать и жить в нём так, как не живёт в нём нынешний светский художник, и выплакать слезами те чувства, которых он силился прежде добыть одними размышлениями, — не изобразить бы ему никогда того, что начинает он уже изображать теперь на полотне...»¹⁷, — писал Гоголь. Если сделать скидку на патетичность слога и отражение в этом литературном тексте духовной эволюции самого писателя, его слова фиксируют существенные моменты ивановского бытия. Действительно, ни один светский художник не жил в том напряжении ищущего духа, в каком пребывал автор «Явления Мессии», стремясь удержать за творческим процессом духовное начало: «Самый большой грех, что я имею, это частое обращение к делам мира сего, замещающие занятия и углубления в истину дел моих практических и в береже<нии> целости духа»¹⁸.

Не будучи атеистом, Иванов не был ни ортодоксальным, ни глупо церковным человеком. Менталитет русских людей Нового времени формировался не только «внутри» православной традиции, но и во взаимоотношениях с ней, порождая множество вариантов «сомнений», «отпадений», доходя до кардинальных форм «борьбы» и «отрицания», что станет со временем предметом исследования русской литературы и искусства. «Получил известие, что был один из известных отцов нашей церкви; что, смотря на картины Брюллова, отдавал всю справедливость его таланту, сознаваясь, однако же, что они чужды всякого религиозного чувства. Важно это замечание, мы

много об этом здесь говорили»¹⁹, — писал Александр Иванов об академической выставке 1845 г. Показателен для времени этот акцент на проблему «религиозного чувства» как необходимейшего элемента плодотворного творчества в области религиозной живописи, недостаток которого ощущался в современном художественном сознании. Во второй половине 1840-х годов Иванов переживает духовную драму разочарованности в религиозных и общественных идеях в тех формах, которые исповедовали его собеседники — Н.В.Гоголь, Ф.В.Чижов, Н.М.Языков. Гуманитарная традиция (начиная с Герцена) едва ли не приветствовала ивановское «отпадение от веры», усматривая в этом избавление от сковывающего догматизма и проявление религиозного свободомыслия. Показательны визит Иванова к Герцену в Лондон в сентябре 1857 г. и трактовка содержания и смысла состоявшегося между ними разговора. В пересказе Герцена Иванов говорит: «...я утратил ту религиозную веру, которая мне облегчала работу, жизнь, когда вы были в Риме. Часто поминал я наши разговоры, *вы правы* (курсив мой. — С.С.), — да что мне от этого, что от этого искусству. Мир души расстроился, *сыщите мне выход, укажите идеалы?* (курсив мой. — С.С.)...»²⁰. Как видим, Герцен делает акцент на согласии Иванова с его идеями, подчёркивает желание художника разобраться в современных идеалах почти до повелительного требования — «сыщите», «укажите». В пересказе Н.А.Тучковой-Огарёвой²¹, свидетельницы этого разговора, акценты слегка меняются: Иванов уже не предстаёт столь зависимым от мнения Герцена. Идя к нему как к человеку, считавшемуся самым «продвинутым» в наболевших вопросах современности, Иванов нёс в себе не просто сильную озабоченность своим душевным состоянием, но глубочайшее беспокойство за мир, за общество, которое стало равнодушно к религии, чьи идеалы были в продолжение нескольких веков «руководящей мыслью искусства». Его мучил вопрос, оказавшийся ключевым и для Достоевского: если религии, веры нет, то что же, какая новая идея займёт покинутое место? Только для Достоевского этот вопрос будет стоять в нравственно-этическом контексте: если Бога нет, значит, всё позволено? А для Иванова — исключительно в этическо-художественном плане, ведь он не собирался менять предмет своего творчества. Предложение Герцена искать новые идеалы «в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс» не удовлетворило Иванова, чья внутренняя борьба шла не между Богом и безбожием (или между верой и идеалами прогресса), а между религиозной верой и рациональной учёностью как разными формами познания Бога и разными основами христианского искусства, как

искусства, обращённого не к житейски реальному, а к сакральному миру. То, что отмечают исследователи как «постоянное и упорное отождествление Ивановым истин откровения с истинами разума»²², не означало вытеснения одного другим и не нарушало традиционной иерархии. По мысли Иванова, «разум», который является «общим с премудростью Божьей», есть более высокая ступень по сравнению с бессознательным «вдохновением» (к которому он относил и веру), но не сам по себе (в качестве цели эволюции), а как средство познания богосотворённого мира. Культ «литературной учёности» вкупе с утратой чувства реальной связи с Богом порождал кажущееся противоречие между верой и интеллектом, из которого сам Иванов не мог найти выхода, ища опоры в современных ему прогрессивных интеллектуалах. Максимализм отношения к задачам художника («писать без веры религиозные картины — это безнравственно, это грешно»²³), тягость и душевная неустроенность, которые ощущал Иванов, признавшись в потере религиозного чувства²⁴, говорят о духовном, а не сугубо рациональном отношении к миру, о пробуждении глубокой, рационально не объяснимой связи с христианским корнем собственной личности. Заблуждения художника базировались на вере в исключительную миссию искусства как инструмента Божественной воли и едва ли не единственного способа достижения «царствия Божия» на Земле. Однако в этом заблуждении в искажённой форме проявился смысл функционирования искусства, как его понимали в средние века — быть средством молитвенного восхождения от образа к первообразу и являть собой зримое воплощение Премудрости Божией, быть отражением в преходящих вещественных творениях нетленной Божественной красоты. Но не больше! «С тех пор, как я оставил непостижимого Бога, пропали совсем силы к работе: что стоило лёгкого взгляда, то теперь ужасный труд <...> Когда Господь был со мной, то все натурщицы сами являлись, без всяких исков моих и работа шла слегка и беспрестанно, — а теперь я страдаю физически, думая найти опору в людях...»²⁵ Иванов наивно сетует на то, что перестал получать от Бога какие-то конкретные, ощутимые подспорья в работе («натурщиц!»), не сознавая того, что он как существо духовное уже вышел на иную ступень взаимосвязи с сакральным миром. Период «первоначального накопления» духовных даров, когда Иванов активным «проговариванием» в письмах, дневниковых записях и разговорах с просвещёнными людьми вопросов религии и веры создавал в своём сознании плотное духовное «поле», уже сменился «молчаливым», латентным этапом реализации накопленного творческого (и духовного) потенциала в годы работы над «Библейскими эскизами». Всё, что носило до сих пор несколько внешний, «декларативно-литературный»

характер (столь явственно ощутимый в художественной реализации «Явления Мессии»), стало частью художественного сознания, внутренним содержанием творчества, обретением способности к самостоятельному «хождению» в мире сакрального путями познания, «общими с премудростью Божьей».

Рецензент — О.Д.АТРОЩЕНКО, кандидат искусствоведения, Государственная Третьяковская галерея.

¹ Так, последний фундаментальный труд философа В.В.Бычкова рассматривает духовно ориентированную русскую эстетическую мысль серебряного века, давая ей определение «теургическая эстетика» (Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. — М.: Ладомир, 2007).

² Воспоминания о Брюллове. Академик Аполлон Мокрицкий // К.П.Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. — М., 1961. — С. 158. Далее — Брюллов в письмах. — Указ. соч.

³ Венецианова А.А. Записки // Алексей Гаврилович Венецианов / Статьи. Письма. Современники о художнике. — Л., 1980. — С. 218 — 219.

⁴ Степанова С.С. Два письма. Штрихи к портрету «великого Карла» // Русская галерея. — 2001/1. — С. 35 — 40.

⁵ Брюллов исполнил алтарный образ Святой Троицы для главного собора монастыря, местонахождение которого неизвестно. Для Сергиевского монастыря была написана картина «Явление Богоматери с апостолами Петром и Иоанном святому Сергию» (холст, масло, 1845 — 1846, местонахождение неизвестно).

⁶ Архимандрит Феодор — в миру Александр Матвеевич Бухарев (1824 — 1871). За свои идеи он не только подвергся резкой критике, но и вынужден был снять с себя монашеское послушание и переключиться на литературную деятельность.

⁷ Архимандрит Феодор (Бухарев А.М.). О духовных потребностях жизни. — М., 1991. — С. 94.

⁸ Курбановский А.А. Некоторые аспекты творчества К.П.Брюллова и романтическая эзотерическая традиция // Государственный Русский музей. Конференция, посвящённая итогам научно-исследовательской работы за 1999 г. и 125-летию со дня рождения П.И.Нерадовского (1875 — 1962) / Тезисы докладов. — СПб., 2000. — С. 52–57. Правда, автор оговаривается, что прямых указаний на принадлежность Брюллова к каким-либо тайным мистическим учениям нет.

⁹ Ортодоксальная Русская церковь относилась к лютеранам достаточно терпимо и не считала их, как католиков, еретиками и врагами православия.

Петербург в силу исторических обстоятельств был вообще городом с наибольшим числом немцев-лютеран. Соседняя с Сергиевой пустыней Стрельная была с XVIII в. крупным поселением немцев-протестантов. Сам о. Игнатий в 1844 г. написал труд «Лютеранизм».

¹⁰ Брюллов в письмах. — Указ. соч. — С. 165.

¹¹ А.П.Брюллов — К.П.Брюллову, 26 января 1850 // Архив Брюлловых / Редакция и примечание И.А.Кубасова. — СПб., 1900. — С. 122.

¹² А.А.Иванов — В.И.Григоровичу // Степанова С.С. Пространство творчества или духовная родина Александра Иванова // Русское искусство. — IV/2006. — М., 2006. — С. 17. Подлинник: НИОР РГБ. Ф. 111. Карт. 1. Ед.хр. 5. Л. 65 об.

¹³ Степанова С.С. Указ. соч. — С. 18. Подлинник: ОР ГРМ. Ф. 24. Ед.хр. 13. С. 111.

¹⁴ Профессором Олмстедом было насчитано 34640 падений звёзд в час после ослабления звёздного потока. С этого времени изучение метеоритов раз и навсегда стало неотъемлемой частью астрономии.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 111. Карт. 2. Ед.хр. 5. Л. 7. Запись в черновой тетради, 1848 г.

¹⁶ Кирилл и Мефодий перевели греческое слово «кафолический» в Символе Веры, используя второе значение этого слова — не «всемирный», а «единый по всему», по «единству всех».

¹⁷ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. Исторический живописец Иванов // Гоголь Н.В. Духовная проза. — М.: Русская книга. — С. 174 — 175.

¹⁸ Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / Сост. И.А.Виноградов. — М., 2001. — С. 657. Далее: Сост. И.А.Виноградов. Указ. соч.

¹⁹ А.А.Иванов — А.О.Смирновой, Рим, 12 февраля, 1845 // Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806 — 1858. Издал Михаил Боткин. — СПб., 1880. — С. 179.

²⁰ Герцен А.И. А.Иванов (1858) / Сост. И.А.Виноградов. Указ. соч. — С. 567.

²¹ Тучкова - Огарёва Н.А. Воспоминания / Сост. И.А.Виноградов. Указ. соч. — С. 567 — 568.

²² Алленов М.М. Александр Андреевич Иванов. — М., 1980. — С. 148.

²³ Герцен А.И. А.Иванов (1858) / Сост. И.А.Виноградов. Указ. соч. — С. 567.

²⁴ По словам Н.А.Тучковой-Огарёвой, Иванов говорил с Герценом «удручённый, убитый как бы кончиной близкого ему человека» (Тучкова - Огарёва Н.А. Воспоминания / Сост. И.А.Виноградов. Указ. соч. — С. 568).

²⁵ А.А.Иванов. Мысли, приходящие при чтении Библии (1846 — 1847) / Сост. И.А.Виноградов. Указ. соч. — С. 661.

Социокультурный аспект компьютерных арт-технологий

О.Г.ЯЦЮК

Статья посвящена проблеме компьютеризации современного искусства и дизайна, выявлению гуманистического потенциала художественного творчества, интегрированного с техникой. В ней рассматриваются такие проблемы, как: «компьютерная» трансформация эстетических концепций в художественной культуре; дизайн мультимедиа — новый вид личностно-ориентированного художественного творчества; влияние мультимедийного дизайна на социум.

*«С техникой сжился,
но не техникой жив человек».*
Ортега-и-Гассет

При всей неоднозначности, спорности экспериментов современного искусства оно, прямо или косвенно, ставит вопросы драматического взаимоотношения мира и человека. Сегодня, когда идеалы классического сакрального искусства потускнели и человек вообще перестал точно идентифицировать понятие *искусство*, активность художественного творчества не снизилась. Скорее наоборот: современная арт-деятельность проникает в сам процесс человеческого существования, ликвидируя границу между искусством и бытием. Компьютерная виртуальная реальность, освоенная художниками, открывает для этого новые возможности. Поразительно актуально звучат слова, сказанные столетие назад Николаем Бердяевым: «Искусство судорожно стремится выйти за свои пределы. Нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого и искусство вообще от того, что не есть уже искусство, что выше или ниже его. Никогда ещё так остро не стояла проблема отношения искусства и жизни, творчества и бытия, никогда ещё не было такой жажды перейти от творчества произведений искусства к творчеству самой жизни, новой жизни»¹.

Компьютер буквально вторгся в мир художественной рефлексии. Современному художнику уже недостаточно обычных средств выразительности, он включает в творческий процесс высокие технологии, способные создавать виртуальные среды. Из вычислительного инструмента компьютер превращается в средство выражения эмо-

ционального состояния, мыслительных процессов и интуитивных озарений. Нынче можно с уверенностью утверждать, что он стал полноправным действующим лицом, а зачастую и протагонистом арт-деятельности, катализатором творческих новаций. Смысл мультимедийного художественного произведения передаётся не путём кодирования идей в изобразительные, музыкальные формы или литературный язык, а формированием реально ощутимого эмоционального опыта при помощи аудиовизуальной техники.

Анализ арт-практик XX века показывает, что стремительный переход от традиционных инструментов к цифровым был обусловлен всей историей искусства неоклассики. На рубеже XIX — XX веков кубисты, абстракционисты, футуристы, пытаясь постигнуть глубинную суть вещей и явлений, ломали форму, раскладывали цвет на составляющие, старались передать динамику движения. В течение столетия художники раздвигали горизонты искусства, активно используя структурный подход и логическое мышление. При этом традиционный эстетический контекст всё больше разрушался.

Во второй половине XX века, в то время как минималисты (Дж. Пауссон, Д. Фламин, Д. Джадд, Р. Моррис) сокращали до предела традиционные выразительные средства, а мастера стиля хай-тек (Р. Роджерс, Б. Мунари, Н. Фостер, Ш. Веверка, П. Андерс, Дж. Дайсон, У. Беннет и др.) провозглашали передовые технологии философией нового искусства, инженеры изобрели способы воспроизведения движения, звука, запахов, тактильных ощущений с помощью компьютерных технологий. Искусство, стремящееся к сближению с техникой, открыло для себя язык мультимедиа, способный выразить мелькающие в сознании образы, передать изменяющиеся эмоции. Взаимодействие с цифровой виртуальной средой смогло осуществляться на уровне чувственного контакта. Пластичные экранные объекты, реагирующие на действия человека и воздействующие в свою очередь на его органы чувств, и интерактивное многоканальное взаимодействие позволили установить между реальностью и экранном миром устойчивую интерактивную связь. Ощущение действительно происходящих событий определило эстетическую специфику виртуальных проектов.

В палитру художника мультимедиа входят почти все проявления жизни. Погружение в неординарную реальность, переживание фантазий не во сне, а наяву активизируют эмоциональную восприимчивость человека. Виртуальные полисенсорные воздействия обостряют чувства, превращаясь в первичные ощущения. Создаётся перцептуальное окружение, в котором возможны физически осяза-

емые столкновения человека с виртуальным пространством. Мультимедийные возможности развивают концепцию искусства хай-тач, названного ведущим теоретиком и практиком дизайна Андреа Бранци феноменом информационной эпохи. По его мнению, переход от технической фазы культуры к информационной идёт параллельно с сенсорной революцией.

Если человек индустриальной эпохи рассматривал чувственные ощущения как источник ошибок, то человек компьютерной эры трактует их как адекватный инструмент контакта с техногенной средой обитания. Как отмечает Бранци, «Обман чувств — типичное выражение для времени, когда чувственное восприятие тут же подвергается мыслительной обработке. Сегодня переход к электронной технологии предполагает иное отношение к сенсорике и иное её использование, а именно — взгляд на сенсорнику как на форму полного, полноценного и завершённого в себе знания, способного поставлять нам необходимую и чрезвычайно богатую информацию»². Развитие высоких технологий и активное внедрение их в искусство привело к парадоксальному результату: формализованное знание больше не считается достоверным, математические обоснования действительности отступают перед приоритетом эмоционального чувствования.

Мультимедийное искусство проектно и «процессуально». Проектно, потому что в его основе лежит технология, трансформированная в искусство, определившее новое видение. Процессуально, потому что это «искусство изменения», в котором сам процесс творческого самовыражения не менее, а может быть, и более значим, чем конечный результат. Особенности художественного языка мультимедиа определяются динамичностью и изменяемостью взаимосвязанных и взаимозависимых событий, взаимодействием между авторским проектом и зрителем. Реципиент больше не созерцатель, теперь он участник действия. «Экранное» компьютерное искусство ликвидирует экран-барьер между зрителем, художником и самим производением.

В ряду мультимедийных художественных практик особый интерес вызывает дизайн, напрямую определяющий социальный контекст, опирающийся на все грани человеческого опыта. Если искусство, в общем случае, есть форма отражения всего сложного комплекса человеческого существования, то дизайн — это стремление к организации жизни. Современные дизайнеры делают акцент не столько на функциональности, сколько на выразительности, знаковости проектируемого объекта. Наиболее талантливые мастера, даже созда-

вая предметы бытового назначения, пытаются расширить их смысловое поле, выразить через вещный мир духовное начало. Ныне дизайн, выйдя за рамки работы с объектом, пытается влиять на социальные процессы, строить не изолированные в пространстве вещи, а образ среды как фрагмента действительности. Социокультурная концепция дизайна выделяют особый срез бытия человека во всех без исключения системах жизнедеятельности, определяет его отношение к объективной реальности. «Как в эйнштейновской физике пространство есть функция движения материи, так и в современной культуре пространство — функция человеческого существования. Отдельно оформленная вещь дана только в таком пространстве и зависит от структуры существования человека. Поэтому самой актуальной задачей становится проектирование не просто вещей, а «сюжетов», в которых они оживают. В художественной культуре прокладывает себе дорогу стремление мыслить «открытой формой» — той целостной средой, в которой взаимоотношения человека и вещи пространственны».³

Компьютеризация дизайна даёт мощный импульс дальнейшему развитию социокультурной концепции проектности. Феномен мультимедийного дизайна определяется не столько возможностью быстро и технологично проектировать материальные объекты, сколько открытием ранее не осознанных отношений между существующими явлениями как физическими, так и метафизическими. В интерактивных мультимедиа жизнь и воображение максимально приближены. Виртуальная реальность настолько схожа по ощущениям с физической реальностью, что глубокое погружение в неё способно вызвать негативные последствия. Проблема «опасности» среды мультимедиа остро проявляется в компьютерных играх, когда играющий ошибочно полагает, что управляет персонажами и ситуацией игры. На самом деле, находясь в поле ограниченных возможностей выбора, предоставленного игровым пространством, он сам становится объектом манипуляции. Переход в ирреальность может повлиять на изменение сознания, поэтому эргономика виртуальной культуры отличается от традиционной. Она выдвигает другой порядок требований комфорта и безопасности. Человек психологически должен быть готов полностью управлять инструментами виртуальной сферы. Мультимедийная культура требует такого уровня самосознания, при котором, погружаясь в мир симулякров, человек не потеряет контроля над реальностью. М.М.Бахтин в работе «К философии поступка» говорил о том, что архитектоника личности определяется жизнью в реальном мире, а не в сфере абстракций. Глав-

ное отличие этих позиций — в ответственности за свои поступки.⁴ Сегодня мы понимаем, что в виртуальной реальности эта проблема не менее актуальна: находясь в «цифровом» мире, человек так же должен контролировать свои поступки. Вседозволенность и безнаказанность поведения в виртуальной реальности ведёт к разрушению личности. Мы полагаем, что адекватное приобщение человека к мультимедийной культуре, к новому типу восприятия должно идти через художественную практику, впитывающую весь опыт человечества, через включение реципиента в процесс творчества.

Креативное мышление имманентно свойственно человеку, однако в условиях исторически сложившейся профессиональной дифференциации многие загоняют его вглубь, считая, что это им «не дано». Компьютерная визуализация, в которой изображение гибко и трансформируемо, снимает этот барьер. Человек за компьютером, овладев минимальным набором команд графического редактора, чувствует себя свободным, как ребёнок, который не боится строить плотины на ручье и замки из песка. Выдающийся итальянский дизайнер Этторе Соттсасс (соратник А.Бранци), вспоминая своё детство, писал: «...когда мы сооружали эти вещи ...в нас не было тщеславия, не было ощущения силы, происходящего от знания того, что мы смогли бы сделать. Ни я, ни другие не считали себя дизайнерами, художниками, инженерами или ремесленниками для публики: мы не интересовались ни потребителями, ни зрителями и не искали одобрения или не одобрения, кроме того, что находили в себе. Всё, что мы делали, вознаграждалось самим актом делания, желанием сделать это; всё, что было сделано, было, в конце концов, частью одной только необыкновенной сферы: жизни. Дизайн был самой жизнью»⁵. В отличие от «коммерческого» компьютерного искусства, уводящего человека в мир бесконечных шоу-программ, дизайн мультимедиа должен быть ориентирован на гармонизацию внутренней жизни человека, на удовлетворение не вещно-потребительских, а духовных и эстетических потребностей. Тогда человек сам станет «средообразующим фактором», и организация комфортной, целесообразной и эстетичной среды будет результатом креативной деятельности, проявлением творческих качеств его личности. Человек-пользователь превратится в человека-созидателя и, в конечном счёте, в человека с новым сознанием. То, что компьютерные технологии способны активизировать творческое начало, подтверждает нашумевшая история 21-летнего Ора-Ито. Молодой француз, не имеющий специального художественного образования, стал знаменит после того, как «выложил» в Интернет придуманные им компью-

терные модели под видом реальных вещей, выпускаемых самыми известными мировыми фирмами-производителями. Разгоревшийся скандал имел счастливый для Ора-Ито финал: Лувр сделал персональную выставку его работ, а едва ли не те же крупные компании предложили ему официальную работу дизайнера. Сейчас Ора-Ито весьма известен в мире дизайна, он проектирует реальные вещи, однако думает о другом будущем. «Если вы не пытаетесь освободить жизнь от всего лишнего, то позволяете себе привязаться к вещам. ...Все эти придумывания бутылочек и мебели ничего не изменят, это ерунда. Если нам удастся что-то глобально поменять в сознании, мы поймём, что все эти предметы нам вообще не нужны. Как не нужны будут скоро пульта дистанционного управления, потому что материалы, из которых сделаны вещи, в будущем будут не пассивны, как сегодня. Завтра материя будет обладать разумом, и реагировать на ваши мысли, и взаимодействовать с вашим мозгом».⁶ Разумеется, не все так талантливы, как Ора-Ито, и мы не призываем каждого тиражировать свои творческие эксперименты. Речь идёт о том, что гибкие, пластичные образы виртуального мира меняют подход к проектированию. Его целью становится не столько получение материальной оболочки новой вещи, сколько приобретение новых эмоций, нового знания.

Внимание ведущих дизайнеров, исповедующих гуманистические ценности, всегда привлекало личностно-ориентированное проектирование. Сегодня новое проектное мышление, развивающееся на технологично-интеллектуальной почве, совершенствует творческий процесс. Виртуальный проект, основанный на синкретизме понятийной и эстетической информации, активизирует как логический, так и эмоционально-интуитивный аспект проектности. Компьютерная технология поиска собственного образа даёт практически неограниченную свободу творчества. Погружаясь в виртуальную среду, дизайнер оказывается одновременно и в материальной, и в психической реальности. Границы этой среды шире предметного мира, поэтому компьютерная виртуальность обеспечивает возможность моделирования тонких материй, в которых вещь уступает приоритет знаку, процесс познания мира смещается в поле самопознания, проектирование внешнего жизнеустройства меняется проектированием внутреннего мира человека, профессиональная диктатура дизайнера — *соучастным творчеством зрителя*. Мультимедийная среда, выявляя резервы «адаптивного» открытого проектирования, стимулирует дизайнерское творчество и предоставляет механизмы вовлечения реципиента в процесс принятия решений. В среде интер-

активных мультимедиа зритель получает возможность изменить, допроектировать работу дизайнера. При этом он становится интерпретатором авторской художественной идеи, соучастником творческого процесса. Дизайнер показывает реальность, которую он понимает и чувствует, а реципиент, подключая свою творческую энергию и индивидуальный опыт, создаёт на её основе свой глубоко личный мир. При этом не происходит навязывания мнения автора, наоборот, мультимедиа активизируют собственное творческое мышление реципиента. Он имеет возможность повлиять на процесс, и дизайнер, таким образом, творит не «массовую продукцию», а индивидуальный, эксклюзивный проект.

Мультимедийный дизайн влияет как на отдельную личность, так и на социум. По мнению А.Моля, уходящая галактика Гуттенберга, основанная на тиражировании, изменила изначальную культуру восприятия.⁷ Многочисленные копии художественных произведений сделали искусство общедоступным, но оно потеряло свою уникальность; книги распространили знания, но трансформировали традиции личного общения; культура стала массовой, но это понятие переродилось теперь в синоним пошлости и низкопробности. Анализ ситуации с позиции социальных проблем показывает, что в определённой степени тиражирование культурных образцов способствовало формированию общества потребления. «Размноженные» мысли и идеи воспринимаются массами, повышая их образованность, но понятия «образованность» и «культура» не идентичны. Массовое искусство транслирует готовые чувства и эмоции. Лучшие его образцы эмоциональны и выразительны, поэтому доставляют эстетическое удовольствие, но частая повторяемость чужих образов приедается. В результате личность, которую «с ложки кормят культурой», становится ленивой, теряет навыки «добывания на охоте» или «самостоятельного взращивания» духовной пищи. Средний уровень информированности повышается, но личностный творческий и духовный потенциал снижается. Собственные переживания оказываются отражением чужих. Со временем деградирует не только способность родить идею, мысль, чувство, но и сама потребность подобного «материнства». Это и есть общество потребления. В такой ситуации мультимедиа может стать силой, действующей на социальном поле.

Интеграция электронных проектных технологий и арт-деятельности активизирует творчество масс. В этом контексте понятие «массы» — не единое аморфное тело, а дискретное множество индивидов со скрытым креативным потенциалом. Развивающиеся

интерфейсы и доступность технических средств расширяют аудиторию желающих попробовать себя в роли дизайнера или художника. Этот процесс имеет две стороны: с одной — в человеке проявляется интерес к творчеству, с другой — возможность тиражирования заполняет окружающую среду низкопробной непрофессиональной продукцией. Самодеятельность в дизайне уже выплеснула на улицы российских городов малохудожественные рекламные плакаты, выполненные тем не менее на высоком полиграфическом уровне. В этой ситуации перед профессионалами-дизайнерами особенно остро встаёт задача эстетического воспитания социума, формирования его вкуса. Реализовать эту задачу можно с помощью всё тех же мультимедийных средств и каналов массовой коммуникации, помогающих восприятию лучших образцов классической культуры. Неограниченные возможности для этого даёт Интернет.

Мультимедийное проектирование позволяет создавать новое полимодальное пространство, в котором индивидуальность каждого человека формирует неповторимый мир его сознания. Личностное послание об этом мире, переданное конкретному реципиенту или группам людей, не искажается, оно меньше подвержено общественному мнению и, следовательно, глубоко субъективно. Таким образом, распространение мультимедийных дизайн-технологий приближает конец эпохи тиражирования. Продукты массового потребления перестают быть доминирующими. Компьютерная художественная культура приближается к изначальной культуре личного контакта, несмотря на то, что в виртуальной среде непосредственного телесного контакта нет, а сетевые сообщения пронизывают самые отдалённые точки мира. Таким образом, на недоступном ранее электронном уровне восстанавливаются утраты человеческой коммуникации, а средства мультимедийного дизайна решают задачу приобщения людей к искусству, интенсивному мышлению, тонкому чувствованию, проектному миропониманию. Это ещё раз подтверждает наличие мощного *гуманистического потенциала компьютерных технологий*.

Специфика мультимедийного дизайна позволяет с новой позиции взглянуть на экологические проблемы. Очевидно, что количество производимой человечеством продукции много больше, чем ему действительно нужно. Дизайн и практически неограниченные технологические возможности производства могут превратить мир в свалку ненужных вещей. Соттсасс сказал однажды, что целесообразно было бы вовсе прекратить проектировать и посмотреть, что произойдёт, но потребность в обновлении лежит в самой природе

человека. Использование компьютеров позволяет перейти на принципиально новый уровень проектирования, когда эксперименты в дизайне выходят в область ирреального. Виртуальные музеи, выставки, организации, работающие в Сети, уже стали распространённым явлением. Возможно, пришло время реализовать идею виртуальной «базы» дизайн-проектов. Компьютеры могут обеспечить условия «проживания» виртуального события пользования, в результате чего можно выбрать действительно функционально и эстетически необходимые объекты и материализовать только их. Таким образом, открывается ещё один социально-культурный аспект мультимедиа: дизайн выходит на уровень квазиреальности, а компьютерные технологии помогают удовлетворить потребности в материальных ценностях, минимизируя расход сырья, загрузку транспорта, истощение земных ресурсов и источников энергии.

Подводя итог, ещё раз процитируем Соттсасса: «В сердце дизайна всегда можно найти общественное настроение. В нём — целое общество, желающее чего-то нового»⁸. Компьютерные мультимедиа являются базой новой проектной культуры, открывающей иной взгляд на решение *технических, эстетических, экологических и социальных проблем*. Дизайн мультимедиа — это новая форма творчества, представляющая объединение различных художественных форм, согласованное действие которых превышает действия, оказываемые каждым компонентом в отдельности, образуя не совокупность многих сред, а единое пространство, где главным элементом (руководящим и воспринимающим) является человек. Компьютерная виртуальность позволяет создавать динамичный художественный образ, который формируется в процессе комплексного восприятия как результат отношений между иллюзией и фактом, разумом и интуицией, пространством и временем, автором и зрителем. Это — средство раскрытия индивидуальности, основанное на синкретизме понятийного и эмоционального, математически-точного и художественно-образного, эмпирического и метафизического. Аккумулируя традиционные художественные технологии и дополняя их новыми возможностями, современные мультимедиа развивают эстетику психологизма, расширяют привычные контексты и максимально раскрепощают художественное мышление. Новое проектное творчество формирует поле, которое расширяет мировоззрение современного человека и открывает перед ним невидимые ранее смыслы.

Рецензент — В.Н.БАРЫШЕВА, кандидат искусствоведения, профессор МГХПСУ имени С.Г.Строганова.

¹ Б е р д я е в Н.А. Кризис искусства / Репринтное издание.— М.: СП «Интерпринт», 1990. — С. 3.

² Цит. по: К у р ь е р о в а Г.Г. Экология предметного мира как стратегия дизайна. — М.: ВНИИТЭ, 2008. — С. 21.

³ Р о з е н б л ю м Е.А. Художник в дизайне: опыт работы центральной учебно-экспериментальной студии на Сенеже. — М.: Искусство, 1974. — С. 66.

⁴ Б а х т и н М.М. К философии поступка // П е ш к о в И.В. М.М.Бахтин: от философии поступка к риторике поступка. — М., 1996.

⁵ С о т т с а с с Э. Потому что опоздал самолёт // Декоративное искусство СССР. — 1974. — № 2.

⁶ О р а - И т о : я капитан корабля, даже если он и принадлежит другим // Коммерсантъ. — 2005. — 11.10. — № 191.

⁷ М о л ь А. Социодинамика культуры / Пер. с фр. — М.: Изд-во ЛКИ, 1998.

⁸ Встреча в DOMUSe / Хрестоматия по дизайну. — Тюмень: Ин-т дизайна, 2005. — С. 1025.

«Песня, молитва, любовь» в раннем творчестве Анны Ахматовой

С.В.ОВСЯННИКОВА

«Есть на тебе печать Господня...».

О. Мандельштам

Эти строки друга и современника Анны Ахматовой как нельзя более точно передают впечатление от её облика, позволяют оценить масштаб её личности. Многим знавшим Ахматову она казалась человеком «нездешним», будто из высокого мира пушкинского столетия, воплощённым духом поэзии и музыки. Несомненно, «печать Господня» отметила и её поэтический дар, и её судьбу. Понимание божественности происхождения поэтического дара было присуще Ахматовой изначально.

В «Вечере» (1912), дебютной книге поэтессы, впервые появляется Муза, которая для Анны Ахматовой существо, духовно близкое и даже родственное – «Муза-сестра». В единение с ней юный автор (стихотворение написано в 1911 г., А. Ахматовой – 22 года) вкладывает важную для восприятия собственного творчества мысль о несовместимости в одной женской судьбе счастья творческого (поэтического дара) и счастья человеческого (взаимной любви, безмятежного брака). Эта мысль, к сожалению, стала одним из тех пророчеств, которыми так щедро наградила себя Ахматова и которые с годами так точно сбывались в её судьбе:

*«Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд её ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок». [1, 24]*

Бесценный дар любви («Божий подарок») заменён даром поэтическим, но последний не освобождает его обладательницу от общей женской доли. Вместе со всеми женщина-поэт будет страдать от любви. Обретя дар творчества, лирическая героиня меняется, её судьба уже отделена от *«всех — девушек, женщин, вдов...»*. Она становится Божьей избранницей, ибо «всякий дар совершен свыше есть» (Ик., 1, 17); христианская этика сообщает свои ценности мироощущению художника, миссия которого сродни апостольской, и героиня понимает это. Глубоко осознавая ответственность (*«Лучше погибну на колесе, / Только не эти оковы»*) [1, 24], лирическая героиня принимает «печать Господню».

Во второй книге стихов «Чётки» (1914) перед читателем раскрывается целый мир утончённой женской души. «Песня, молитва, любовь», выделенные в 20-х гг. В.В.Виноградовым [2] в качестве главных семантических сфер ахматовской поэзии, заполняют собой четыре части «Чётки». Пройдя в «Вечере» путь от любви через страдание к творчеству, Ахматова верна ему и в «Чётках», но меняется качественно уровень её поэтического мышления. Любовное переживание и сопутствующее ему страдание сопровождаются здесь чувством глубокого и непрестанного покаяния, свойственного православному сознанию, и осмысляются в христианской системе ценностей.

Воспоминания В.А.Беер [3] и В.С.Срезневской [4], знавших Анну Ахматову с гимназических лет, свидетельствуют об её ранней, удивительной и естественной религиозности, которая с течением времени переросла в глубокую веру. Это очевидно и по стихотворным текстам. Автор «Чётки» на два года старше автора «Вечера»; Ахматова уже не только жена, она мать маленького сына. Это личное обстоятельство в контексте грозных событий «некалендарного XX века» не могло пройти бесследно. Напротив, оно во многом определило ахматовскую убеждённость в том, что «без веры нельзя», что «путь веры — залог счастья» [5], убеждённости, которая обострила в её натуре жизнь духа и углубила творческие искания.

Автору «Чётки» бесконечно близко иное, противоположное устремление в противовес былой необузданности и «дикости», коренящаяся в крайней сосредоточенности, «центроостремительности» всех душевных сил. Побуждение, так точно выраженное в XIX веке П.А.-Вяземским, – «любить, молиться, петь»:

*«Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своём,
Святого таинства земное выраженье,
Предчувствие и скорбь о чём-то неземном,
Преданье тёмное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь;
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!». [6]*

В «Чётках» обнаруживаются не просто образцы высокой лирики, а свидетельства личного духовного опыта поэта. Религиозность Ахматовой обретает здесь черты духовного пути, именно здесь его начало:

*«Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе.
Ты, всегда в путях своих уверенный,
Свет узревший в шалаше». [7, 27]*

Хотя и наличествуют в сборнике обращения героини к своему возлюбленному, но всё же перед читателями больше предстаёт лирическая героиня — одна, наедине со своей совестью и Богом. Можно даже сказать, что теперь не перед нами она предстоит, а перед Богом. Душа ищет своё место в мире, «нищая», «потерянная», но всё-таки «живая». И постижение этой душой глубинного смысла жизни идёт в православной традиции — через страдание, которое сознательно принимается.

*«Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?» [7, 27] —*

вот основной вопрос, от ответа на который зависит, возникнет ли главный побудительный мотив к началу реальной работы над душой. «Отчего же Бог меня наказывал?» у Ахматовой значит исключительно «зачем», «для чего». С какой целью посылаются душе страдания, скорби? В чём заключён спасительный Промысел Божий? То, что он есть, для автора несомненно. И чуткая душа озаряется этим прозрением:

*«Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас...». [7, 27]*

Так разворачивается в ахматовском творчестве одна из главных тем христианской культуры — тема покаянная, тема нищеты духовной, уходящая своими корнями в Евангелие, берущая начало от Господних заповедей блаженства, провозглашённых в Нагорной проповеди.

Блаженство и нищета лирической героини особого свойства. «Не те нищие духом, кои отреклись от мира и терпят только здешнюю нищету, но те, кои оставили всякое зло и непрестанно алчут и жаждут памятования о Боге». [8] Таким непрестанным памятованием о Боге проникнута особенно третья часть «Чётков». Отныне жизнь лирической героини навсегда для неё протекает в Его присутствии:

*«Вот уж сердце моё осторожней
Замирает, и больно вздохнуть». [7, 28]*

Устремлённость к вечному, «духовная жажда», рано проявившаяся в натуре Ахматовой, не только унаследована её героиней, готовой «всё глядеть бы на смуглые главы / Херсонесского храма с крыльца» [7, 28], но и сама по себе — прочное основание тех ценностных ориентиров, вершину которых являет в православном сознании святость. Так, в третьей части «Чётков» возникает образ одной из любимых святых жён Руси — образ великой княгини Евдокии (в монашестве — преподобной Евфросинии Московской):

*«Плотно сомкнуты губы сухие.
Жарко пламя трёх тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На сапфирной душистой парче». [7, 29]*

Из текста ахматовского стихотворения явствует, что его автору было известно житие преподобной Евфросинии, что, естественно, не отменило собственно творчества. День вступления великой княгиней на монашеский путь, озаменованный Божиим благословением — чудом (на глазах у всех присутствующих произошло исцеление слепого), в стихотворении Ахматовой хронологически сдвигается, переносится на план поклонения святым мощам. Точно и зримо передано здесь состояние высочайшего молитвенного напряжения:

*«И, согнувшись, бесслётно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух силясь губами поймать.*

*А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного рая,
К потемневшей ступеньке приник». [7, 29]*

Образы молящихся близки лирической героине «Чётков», их духовные устремления соприродны: они такие же нищие духом, каковой себя ощущает она. К «двери небесного рая» летят и её молитвы. Так впервые в книге стихов молодого, модного поэта-женщины появляется самая что ни на есть настоящая молитва — прямое и искреннее обращение ко Всевышнему:

*«Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести». [7, 30]*

Появление молитвы в творчестве Ахматовой времени «Чётков» — факт сам по себе весьма примечательный, свидетельствующий об уровне «протекания» духовных процессов. Жизнь и молитва в её мире оказываются совершенно нераздельными. «Жизнь без молитвы — это жизнь, в которой отсутствует важнейшее её измерение; это жизнь «в плоскости», без глубины, жизнь в двух измерениях пространства и времени; это жизнь, довольствующаяся видимым, довольствующаяся нашим ближним, но ближним как явлением в физическом плане, ближним, в котором мы не обнаруживаем всей безмерности и вечности его судьбы» [9]. Развивая в третьей части «Чётков» тему нищеты духовной, Анна Ахматова не стремится к эстетическим высотам формы (все 10 стихотворений третьей части предельно просты, лаконичны и целомудренны), а возвращает лирику к её глубинным истокам, переводя лирические размышления в молитвенное русло.

Точно, не по-женски мощно и онтологически верно расставляет она главные смысловые акценты. Всё в жизни даровано Господом – и сама жизнь, и труды, и печали, и всё это стоит человеческой благодарности и приумножения:

*«Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести».* [7, 30]

В этом для лирической героини нет вопроса (даже как знака пунктуации!), необходимость духовного труда над собственной душой для неё — понятие аксиологическое:

*«Долгую песню, льстивая,
О славе поёт судьба.
Господи! Я нерадивая,
Твоя скупая раба».* [7, 30]

Перед нами истинная молитва, в сокрушении сердца и без просьб, молитвенное вздыхание.

Молитвенное обращение ко Господу, воспевающее Его величие и открывающее Ему печали и радости покаянного, смиренного сердца, с древности считается псалмом. Псалом – песнь духа, прославляющая Бога и Его владычество над всяким созданием своим, — издревле утверждает идею иерархии и всеобщей связанности в небесно-земном мире. Подобным настроением проникнуто и ахматовское вздыхание. Это почти псалом, и по основным мотивам он близок к Давидову 142-му псалму. Если их текстуально сопоставить, то выявляются мотивные сближения.

Первое четверостишие продолжает и развивает мотивы 1-го и 2-го стихов псалма. Сравним: *«Дал Ты мне молодость трудную. / Столько печали в пути. / Как же мне душу скудную / Богатой Тебе принести»* и *«¹ Господи, услыши молитву мою, внуши моление мое во истине Твоей, услыши мя в правде Твоей ² и не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобой всяк живой»*. Вторая строфа образно передаёт смысл 3-го и 4-го стихов псалма: *«Долгую песню, льстивая, / О славе поёт судьба. / Господи! Я нерадивая, / Твоя скупая раба»* — *«³ Яко погна враг душу мою, смирил есть в землю живот мой, посадил мя есть в темных, яко мертвыя века. ⁴ И уны во мне дух мой, во мне смятятся сердце мое»*. Однако исход душевных мук, итог душевных страданий в стихотворении Ахматовой звучит обречённо. Для героини «Чётки» ясно:

*«Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца».*

Героиня — дитя века, и душа её, истерзанная страданиями и страстями, трепещет под их напором:

*«Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца»*[7, 30],

в то время как псалмопевец всецело предаётся воле Божией, вручает себя Ей: «Скажи мне, Господи, путь вон же пойду, яко к Тебе взяв душу мою. ⁹ Изми мя от враг моих, Господи, к Тебе прибегах. <...> ¹² И милостию Твоею потребиши вся стужающыя души моей, яко аз раб Твой есмь» (Пс. 142).

Разумеется, строки, написанные Анной Ахматовой, — плод гениальной интуиции, поистине «всяк дар совершен свыше есть». И дело здесь не в обычных соответствиях на поверхности текстов, а в общем для обоих авторов едином взгляде на жизнь как на дар Божий, взгляде, рождённом и насквозь пропитанном идеей богосыновства.

В третьей книге Анны Ахматовой **«Белая стая»** мотив молитвы порождён страшным, трагическим настоящим России:

*«Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар.
Отыми и ребёнка, и друга,
И таинственный песенный дар.
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей».* [10, 50]

Толкование этих строк ахматовской «Молитвы» как предлагаемого жертвоприношения во имя спасения Родины давно стало общим местом ахматоведения: от первых монографий акад. В.М.Жирмунского [11] и А.И.Павловского [12] до исследований наших дней [13]. В 1996 г. автор этих строк в статье «Религиозные образы и мотивы в раннем творчестве Анны Ахматовой» [14] также ограничился вышесказанным, не усмотрев наличия ещё одного смыслового уровня в мыслёмкой природе ахматовского текста. Сейчас следует добавить, что ахматовская «белостайная» молитва, помимо тревоги о судьбе России, наполнена покаянием редкой, исключительной силы и сама есть его главный и первейший плод. Налицо христианская авторская мотивация, когда живущий в душе голос совести — Бога глас — даже в ситуации абсолютной собственной невредимости и самодостаточности (здоровье, материнство, любовь, поэтический талант, наконец, жизнь) тем не менее не даёт возможности ощутить себя в гармонии с миром и с самим собой: как издавна говорилось на Руси — с Богом в ладу, заставляя переживать вообще грех, грехи мира как свои собственные. И в самом деле, невозможно представить себе Анну Ахматову, продолжавшую среди обрушившихся на других несчастий ощущать себя освобождённой от всеобщих потрясений и горя. Вот

почему Василий Гиппиус, очаровавшись истинностью и силой ахматовских строк, счёл, что они «теперь должны стать нашей общей молитвой» [15]. Должны стать... Но не стали. И разве может какая-нибудь сила на земле одновременно заставить каждого человека испытать хотя бы чувство вины (не говоря уже о покаянии), разделив его вместе со всеми?.. Увы.

Рождённая покаянным чувством «белостайная» молитва [10, 50] наряду с «чёточным псалмом» («Дал Ты мне молодость трудную...») обнаруживает удивительную мужественность веры и готовность к духовной брани — и в том автор видит возможность победы над всеми соблазнами («Долгую песню, льстивая, / О славе поёт судьба» — «Чётки», 30) и напастями («туча над тёмной Россией») [10, 50]. Одоление горестей мира понимается только через отрешение от земного ради небесного. Простое и безыскусное, но вместе с тем и недостижимо высокое чувство, так естественно выпеваемое Анной Ахматовой, выдаёт не просто христиански чуткую душу, но и глубокую церковность поэта как человека. Строки Ахматовой проникнуты молитвенным состоянием и истинной церковностью мировосприятия — не формальной, но укоренённой в глубине её природы. Всё это обусловило ещё одну особенность поэтики Ахматовой — говоря словами К.И. Чуковского, «неумолимый аскетический вкус», который ставил им «даже выше её дарования» [16].

Всё приведённое здесь само по себе свидетельствует о том, насколько молодой, модный, блестящий автор уже в раннюю пору творчества духовно соответствовал высоте своего таланта. Обладал ли кто-либо из поэтов-современников Ахматовой в полной мере подобным даром, ответить непросто. Среди тех же, кто был для неё абсолютной величиной, сразу вспоминается А.С. Пушкин. Вот уж чья Муза была действительно «послушна» «велению Божию». Строго говоря, в идеале всякий творческий талант есть способность внимать воле Творца, и в этом смысле природа таланта близка к природе совести, всё дело в том, насколько обладатель таланта это чувствует. Анне Ахматовой подобное проникновение в сущность духовного бытия личности было присуще в высшей степени.

Литература

1. А х м а т о в а А. Вечер. — Спб.: Цех поэтов, 1912. Вторая цифра в скобках ссылки обозначает номер стихотворения по порядку его расположения автором в этом сборнике.
2. В и н о г р а д о в В.В. О символике А.Ахматовой // Литературная мысль. — Пг.: Мысль, 1922. — С. 92.

3. Воспоминания об Анне Ахматовой. — М., 1991. — С. 28 — 31.
4. Там же. — С. 5 — 19.
5. Там же. — С. 83.
6. В я з е м с к и й П.А. Стихотворения. — Л., 1958. — С. 263.
7. А х м а т о в а А. Чётки. — Спб.: Гиперборей, 1914. Вторая цифра ссылки в скобках обозначает номер стихотворения по порядку его расположения автором в этом сборнике.
8. Преподобного и Богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника Египетского. Духовно-нравственные слова. Изд. 2. — Сергиев Посад, 1911. — С. 84.
9. Митрополит Антоний С у р о ж с к и й. Школа молитвы. — Клин: Христианская жизнь, 2000. — С. 77.
10. А х м а т о в а А. Белая стая. — Пг.: Гиперборей, 1917. Вторая цифра ссылки в скобках обозначает номер стихотворения по порядку его расположения автором в этом сборнике.
11. Ж и р м у н с к и й В.М. Творчество Анны Ахматовой. — Л., 1973. — С. 47.
12. П а в л о в с к и й А.И. Анна Ахматова: Жизнь и творчество // Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1991. — С. 64 — 65.
13. См.: монографии Н е в и н с к о й И.Н. («В то время я гостила на земле». Поэзия Ахматовой. — М., 1999. — С. 111–112), К и х н е й Л.Г. («Так молюсь за Твоей литургией...». Христианская вера и поэзия Анны Ахматовой. — М., 2000. — С. 78 — 79), К р а л и н а М.М. (Победившее смерть слово. — Томск: Водолей, 2000. — С. 40, 46), Т р о ц ы к О.Н. (Библия в художественном мире Анны Ахматовой. — Полтава, 2001. — С. 43 — 45); статьи Р у д е н к о М.С. (Религиозные мотивы в поэзии Анны Ахматовой // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. — 1995. — № 4. — С. 66 — 76); диссертацию Ф о м е н к о О.Е. (Православно-христианские основы творчества Анны Ахматовой. — Владивосток, 2000. 2-я глава полностью посвящена рассмотрению мотивов пророчества и искупления).
14. См.: Перечитывая заново: забытые страницы русской литературы XX века // Межвузовский сб-к науч. тр. — М.: МПУ, 1996. — С. 42 — 48.
15. Г и п п и у с Вас. Анна Ахматова // Куранты искусства, литературы, театра и общественной жизни. — 1918. — № 2. Цит. по: Литературная учеба — 1989. — № 3. — С. 131 — 133.
16. Ч у к о в с к и й К.И. Анна Ахматова // Собр. соч. в 6 томах. Т. 5. — М., 1967. — С. 736.

Рецензент — С.В. КРЫЛОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета.

III ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

С 21 по 24 октября 2008 г. в Москве проходила работа III Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: пути взаимодействия». Конгресс работал в год, когда социологическое сообщество России отмечало две знаменательные даты: 50-летие создания первой в стране социологической ассоциации и 40-летие учреждения социологического института — ИКСИ АН СССР (ныне Институт социологии РАН).

Социологический конгресс проводился под эгидой Президиума Российской Академии наук. Организаторами конгресса и юбилейных мероприятий от РАН были Институт социологии (ИС РАН) и Институт социально-политических исследований (ИСПИ РАН).

Соорганизаторы конгресса: Государственный университет — Высшая школа экономики (ГУ ВШЭ); Российское общество социологов (РОС); Российский государственный социальный университет (РГСУ); Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ); ведущие социологические объединения.

Работу конгресса приветствовали президент РАН академик Г.В. Осипов и руководитель Администрации Президента РФ С.Е. Нарышкин. Участникам было зачитано приветствие президента России Д.А. Медведева.

За время работы конгресса прошли заседания в 85-ти секциях и на 52-х «круглых столах». В том числе были проведены заседания 3-х секций по проблемам культуры:

1). Секция 16 — «Социология культуры. Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX — XXI вв.». Сопредседатели: д.ф.н., профессор А.Б.Гофман; д.ф.н., профессор Л.Г.Ионин; д.ф.н., профессор А.Л.Маршак;

2). Секция 17 — «Общество, культура, нравственность: концепты XXI века». Председатель: д.с.н., профессор Д.К.Танатова;

3). Секция 57 — «Нация, культура, общество». Сопредседатели: д.ф.н., профессор Э.М.Андреев; д.экон.н. У.Г.Николаева.

На страницах нашего издания мы будем публиковать наиболее интересные выступления, прозвучавшие в ходе работы названных секций.

Ниже публикуется выступление А.Р. Тузикова, доктора социологических наук, профессора Казанского государственного технического университета.

А.Л.Маршак

Социологическая наука: между властью и идеологией

А.Р.ТУЗИКОВ

В настоящее время в современной социологической науке наблюдаются две тенденции: одна — акцентирующая универсальное значение социологической науки, её теорий и способов практического применения результатов исследований; и другая — подчёркивающая скорее национальный дискурс социологических теорий и их использования. Данные тенденции позволяют интерпретировать ситуацию в терминах методологической проблемы, конкретизирующей в таких вопросах, как:

- Превратилась ли современная социологическая наука или имеет ли тенденцию к превращению в аналог естественных, претендующих на «объективную истинность» наук? Можно ли после почти двухсотлетнего существования социологической науки говорить об открытии универсальных социологических законов развития социума, не сводимых к общефилософским, этнологическим, психологическим, историческим дискурсам?

- Доказывает ли институализация профессионального сообщества в рамках международных ассоциаций, что существует «мировая социология»?

- Что является предметом социологии и возможен ли в принципе предмет мировой социологии / социологии человечества?

- В чём сегодня главные функции и каково место социологов в глобальном, национальном и региональном аспектах?

- Свободна ли социологическая наука от идеологической дискурсивности в принципе?

- Научное знание закономерностей развития социума — это инструмент для обслуживания власти или инструмент развития самого общества?

Несмотря на то, что не прекращаются попытки «математизировать» социологию, найти математический аппарат, который позволит вывести формулы, описывающие закономерности социальных взаимодействий и общественного развития, это пока не удаётся. И скорее всего вряд ли удастся, так как люди, в отличие от атомов и молекул, обладают «свободой воли», а социальная реальность, в отличие от физической, создаётся самими людьми. Социумы же характеризуются социально-культурным разнообразием, что суще-

ственно снижает универсальность социологического знания. Более того, сами социумы и задают «режим истинности» знания о них. В конце концов, сегодняшний «режим истинности» вполне европоцентричен. Но, если в естественных науках он имеет мощное подспорье в лице технической материализации естественно-научного знания, то в социологии такого подспорья всё ещё нет. Поэтому универсальная «практичность», а следовательно, и истинность социологических выводов ограничена. Зачастую получается, что, прежде чем социологические знания, сформировавшиеся в Европе и США, обретут практичность в странах не европейской цивилизации, требуются преобразования социума «по образу и подобию» стран происхождения «социологических законов». Круг же действительно универсальных по значению закономерностей пока ещё весьма узок и тривиален. Социология в большей степени универсальна не по выводам и теориям, а по методическому инструментарию и процедурам исследований.

На мой взгляд, в настоящее время скорее не естественные науки усиливают своё влияние на социологию, а социология усиливает влияние на них. Предполагается, что природа — не такой уж независимый объект для естественных наук. Их объект — чаще не абстрактная природа, а природа, изучаемая в контексте общественно-исторической человеческой практики.

Наличие влиятельных международных ассоциаций социологов, проводящиеся мировые конгрессы, известные имена, присутствующие в масс-медиа, значимость, придаваемая индексам цитируемости, всё вроде бы говорит в пользу существования «мировой социологии». Однако признание в мировом профессиональном сообществе — отдельная тема, имеющая потенциал быть интерпретированной в качестве социологической проблемы. Учитывая, что в «мировой социологии» складываются группы, задающие «правила игры», говорить о неких сугубо объективных и универсальных критериях затруднительно.

Теория модернизации не столько обладает универсальным эвристическим потенциалом, сколько обслуживает глобализаторский дискурс (в том числе и идеологический), что во многом привлекает к ней внимание СМИ, грантодателей, учредителей конференций и т. д., а это в свою очередь способствует влиянию в профессиональном сообществе. Результатом являются сам дискурс и его продукт в форме «мировой социологии» и мирового социологического сообщества.

Однако не совсем понятно, что выступает предметом и объектом «мировой социологии». Полагаю, что глобального социума в научном смысле не существует. Все попытки выступать от имени «прогрессивного человечества», «объединённых наций» и т. п. пока лишь отражают идеологические, а не научные конструкции и порождают дискурсы «империи зла», «мировых изгоев», «антиглобализма» и т. д.

Роль и место социологической науки и социолога в обществе — важная проблема, особенно в современной России. Исторически социологическая наука в нашей стране выступала с позиций социальной критики, а социологи занимали функциональные места в области критической рефлексии по поводу существующего социума и проектировщиками «научно обоснованного» будущего. В настоящее время востребованность социологического знания проявляет себя, главным образом, в сфере проектирования PR и избирательных кампаний, маркетинга и политических технологий. Достаточно характерная черта: никто из первых или хотя бы вторых по значению государственных деятелей не удостоил своим вниманием всероссийские социологические конгрессы. Таким образом, социология сегодня чётко разделилась на:

- коммерческую (на мой взгляд, не имеющую ничего общего с наукой);
- прикладно-проектировочную (в этой области деятельность её далеко не ведущая);
- чисто академическую (в своей университетской форме слабо связанную с практикой).

Проблема взаимовлияния идеологии и социологической науки проявляет себя в следующих формах:

1. Влияние на выбор темы исследования;
2. Влияние на специфику интерпретации факторов;
3. Запреты на определённые идеи и направления исследований;
4. Влияние через социальные механизмы науки, связанные с карьерным ростом, распределением грантовых средств и т. д.

Особенно заметна непосредственная взаимосвязь идеологии и социологии на примере идеологического контекста при интерпретации основных социальных явлений и социальных проблем. Одним из непреодолимых барьеров на пути к полной объективности социологической науки выступает влияние личности учёного, чьи ценности прямо могут воздействовать как на интерпретацию, так и на процедуру сбора научных фактов.

Практически каждая из известных социологических теорий содержит в себе элементы ценностных суждений и идеологизированных теоретических построений. Несомненно, трудно представить себе социолога, избегающего интерпретации исследований. Даже уклоняясь от генерализирующих выводов, учёные-обществоведы не в состоянии полностью «уйти» от идеологических схем, задающих модальность интерпретаций.

Подавляющее большинство учёных едино во мнении, что любая идеология всегда отражала и отражает только часть социальной реальности, причём делает это с позиции определённой части общества (человечества).

Предполагается, что в целом для анализа рассматриваемой проблематики уместнее использовать понятие не «идеология», а «идеологизированный дискурс», подчёркивая, что непосредственной связи с программно-политическими доктринами сходных по названию идеологий социологические теории не имеют. В то же время это не означает, что у научных положений социологических теорий нет никакого идеологического контекста.

Вопрос «Кому нужна социология: власти или обществу?» в России стоит достаточно остро. С одной стороны, сегодня имеются чётко структурированные взаимодействия с властями таких организаций, как ВЦИОМ или ведомственные социологические службы (в плане прикладных исследований). С другой стороны, наблюдается тенденция к монополизации рынка прикладных социологических исследований. Если академические институты социологии РАН более или менее интегрированы с властными структурами и имеют заказчиков в виде фондов Эберта и др., то университетская социология либо вообще не определилась с заказчиком (а государство довольно часто молчит), либо ведёт борьбу за международные гранты, либо с переменным успехом претендует на отечественные гранты и средства региональных властей.

Также весьма ограниченно пока складывается взаимодействие социологического общества и институтов гражданского. Хотя именно само общество вроде бы нуждается в социологии более всего. Аллегория с зеркалом здесь вполне уместна. Социологическое общество как бы стоит перед вызовом, что оно может предложить обществу в лице его различных организаций, причём сделать это в терминах, понятных потенциальному заказчику.

Авторы выпуска

Афанасьева Ольга Викторовна — доктор социологических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой философии Московской государственной юридической академии.

Логина Лариса Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и права Вольского высшего военного училища тыла (Военный институт), Саратовская обл.

Мамонова Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, M. Phil., главный научный сотрудник отдела социологии Аналитического центра социально-культурных проблем и культурной политики Московского института социально-культурных программ (МИСКП).

Овсянникова Светлана Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Российского государственного социального университета (РГСУ).

Сорокин Сергей Александрович — аспирант, заместитель директора общеобразовательной школы № 533 г. Москвы.

Степанова Светлана Степановна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела живописи XVIII — первой половины XIX веков Государственной Третьяковской галереи, доцент кафедры всеобщей истории искусств Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

Тарасов Леонид Викторович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии Российского государственного социального университета (РГСУ), директор Центра социокультурной анимации «Одухотворение».

Тузиков Андрей Римович — доктор социологических наук, профессор Казанского государственного технического университета, член-корреспондент Академии политической науки РФ.

Яцюк Ольга Григорьевна — кандидат технических наук, докторант по искусствоведению, профессор, заведующая кафедрой Национального института дизайна.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели совета

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, вице-президент Российской академии социальных наук, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Сергеев В.К. Директор Московского института социально-культурных программ, действительный член Российской академии социальных наук, Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка РФ, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены совета

Андреев Э.М. Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук

Засурский Я.Н. Президент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор

Маршак А.Л. Заведующий кафедрой социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства, доктор философских наук, профессор

Мионов А.В. Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор

Сосунова И.А. Проректор Международного независимого эколого-политологического университета, действительный член Международной академии экологии, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Худяков С.И. Руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат философских наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Швецова Л.И. Первый заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы, руководитель Комплекса социальной сферы, кандидат политических наук

Шкондин М.В. Заведующий кафедрой периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор

Яновский Р.Г. Член-корреспондент Российской Академии наук, президент Всероссийского научного общества социологов и демографов, действительный член Российской академии социальных наук, председатель Редакционного совета журнала «Безопасность Евразии», доктор философских наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

О.В. АФАНАСЬЕВА	Духовная культура и национальное самосознание – важнейшие факторы преодоления кризиса в России 3
Л.В. ЛОГИНОВА	Институционализация корпоративной социальной ответственности: закономерности, проблемы и перспективы 13
С.А. СОРОКИН	СМИ и патриотическое сознание российской молодежи: состояние и тенденции 23
Л.В. ТАРАСОВ	Концептуальные основы региональной программы по социальной интеграции молодых людей с инвалидностью 33
О.Н. МАМОНОВА	Профессиональная самоидентификация российских врачей: вызовы времени и перспективы 48
С.С. СТЕПАНОВА	О духовно-сакральных аспектах творческих поисков и стилиевой эволюции в живописи второй трети XIX века 67
О.Г. ЯЦЮК	Социокультурный аспект компьютерных арт-технологий 78
С.В. ОВСЯННИКОВА	«Песня, молитва, любовь» в раннем творчестве Анны Ахматовой 88
Информация	III Всероссийский социологический конгресс 96
А.Р. ТУЗИКОВ	Социологическая наука: между властью и идеологией 97

«ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура». Выпуск № 4 (20), декабрь, 2008 г.
Научный и социокультурный журнал

Главный редактор — доктор социологических наук В.К.Сергеев
Ответственный секретарь — кандидат социологических наук О.Н.Мамонова
Редактор-корректор — Л.А. Ильина
Оригинал-макет — О.И. Комиссарова

Учредитель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
125167, г. Москва, Красноармейская ул., 11, стр.2.

Издатель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ».
125167, г. Москва, Красноармейская ул., 11, стр.2.

Журнал зарегистрирован

Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного
наследия по Центральному федеральному округу. Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС1-01933 от 6 октября 2005 г.

Издание включено в Перечень ведущих рецензируемых журналов и
изданий Высшей аттестационной комиссии РФ (ВАК РФ).

Выпуск ежеквартальный.

Индекс по Каталогу ООО «Агентство «Роспечать» — 36938.

Адрес редакции

125167, г. Москва, Красноармейская ул., 11, стр.2.

Проезд: ст. метро «Аэропорт».

Телефон: (8-495)-223-64-29, доб. 3-10. **Факс:** 223-64-29

E-mail: miskp@mail.ru **Сайт** в Интернете: <http://www.miskp.ru>

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы,
депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской
городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации,
представительствам субъектов Федерации в Москве, департаментам,
комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125
районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы.

Сдано в набор 24.11.08. Подписано в печать 08.12.08

Формат 60x84/16. Гарнитура «Таймс».

Тираж 550 экз. Заказ № 256

Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5

Издательство «Серебряные нити»

129224, Москва, Варсонофьевский пер., 8

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а